

Н.В. ЗАХАРОВ

ЖУЛИКИ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Николай Захаров
Жулики. Книга 4

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Захаров Н.

Жулики. Книга 4 / Н. Захаров — «ЛитРес: Самиздат», 2019

В книге описаны события, произошедшие, по мнению автора, в девяностых годах 20-го века. «Лихие девяностые» со стрельбой и погонями переплетаются с прошедшими временами, не менее лихими. Все совпадения имен персонажей с реально живущими людьми совершенно случайны. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	29
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Глава 1

Через час парни вернулись с ксероксом и на глазах изумленного Академика подключив, скопировали тысячную купюру.

– Ты смотри, что японцы вытворяют?– Федор Леонидович взял в руки лист и принялся внимательно разглядывать отпечаток. Посмотрел на свет и, убедившись, что знаки водяные отсутствуют, огорченно вздохнул,– ну вот, а я уж размечтался, да и бумага, конечно, не та, не казначейская.

– Наш человек,– сделал заключение Серега.– Федор Леонидович, я такие способы знаю, как замостырить под подлинник, что вы, когда увидите, то сразу про свою филологию забудете и поймете, сколько лет зря потеряли. Это вам не словеса плести, тут мастерство тонкое, искусство можно сказать. Настоящих специалистов на всю страну раз, два и обчелся. Это академиков у нас, как собак нерезаных, а настоящих чистоделов даже милиция с собаками найти годами не может.

– Что вы говорите, Сергей? И где же всему этому обучают? Вот вы где постигали азы, так сказать?

– О-о-о!!! Федор Леонидович, мне можно сказать повезло сказочно. С каким человеком меня судьба свела в свое время!!! Два года рядом кровати стояли. Игорек Левша! Фамилия у него такая была. Может быть даже и потомок того самого, который гвоздочки для блохи выковал.

Какой мастер был!

– Почему был? Он что умер?

– Да, Федор Леонидович, тубик в последней стадии. Засох на глазах. Ну и видно мастерство свое не хотел с собой уносить, поэтому много чего мне показал за два-то года. Представляете он на спор, из подручных материалов, не запрещенных, за три часа изготовил печать канцелярскую нашего учреждения, и на лбу ее проигравшему отпечатал. Один в один.

– Из чего же изготовил?

– Ну, резал ее на подошве, а штихеля сделал из ломаных полосок бритвы и спичек. Иголку с нитками еще использовал, а для краски штемпельной пасту из стержня, с одеколоном бодяжил. Ничего запретного, то, что вот прямо здесь можно найти. Спички, иголка, нитки, четвертинка лезвия "Спутник". Все. Ну, карандаш еще простой, и мел брал с потолка пальцем.

– Однако! И на что спорили?– заинтересовался Академик.

– А на что там спорить можно? На еду, конечно, и курево. На сто пачек проигравший влетел. Примы – это состояние можно сказать целое. Полгода потом рассчитывался. А куда денешься?

– Вот как? Действительно, наверное, таких-то умельцев нынче раз, два и обчелся. Эх, маху я дал с выбором профессии. А все папенька и дед покойные, царствие им небесное.– "Учись, да учись в Университете",– махнул рукой, улыбаясь, Академик.– А может не поздно еще начать обучение, а Сергей? Я вообще парень сообразительный и руки у меня ухватистые. А в детстве даже рисовал недурственно. Видел там, на стенке мазня развешена, так это я дурью маялся лет до сорока. Даже масло освоил. Видишь во-о-он тот портрет, на кого похож?

– На вас и похож!– присмотрелся Серега к портрету.– Вылитый вы, только молодой.

– Ну да, я и есть. В зеркало смотрел и мазал. Автопортрет называется. Так что не совсем уж и бесталанный. В ученики берете, аль нет?

– Ну, раз настаиваете, то куда я денусь, только чтоб не волынить и на хвори не ссылаться, а то знаю я вас академиков, чуть что, сразу за поясницу хватаетесь,– засмеялся Серега.

– Обещаю не волынить, а хвори мои что-то куда-то подевались в последнее время, просто сам себя не узнаю, даже на женщин стал посматривать. И это в моем-то возрасте.

– Ну что вы, Федор Леонидович, какой возраст? Вы же видели, что там, в "допотопные" времена один господин вытворял омоложившись? У человека вообще запас в организме не ограниченный. Часы там какие-то биологические только вот идут с будильником, я читал где-то, ну и у каждого они по-разному идут. Вот "допотопники" сообразили, как их приостанавливать, без негативных последствий. Испугались, правда, перенаселенности и запретили использовать, но на нас-то их запреты не распространяются. Так что мы еще вас женим, Бог даст!

– Вот уж это увольте. Хватит мне и одного разу. И вообще я однолюб по натуре. Так что, увы, Сергей, но на моей свадьбе вам вряд ли плясать доведется, даже и не рассчитывайте, – Федор Леонидович погрозил шутливо Сереге пальцем и, сделавшись серьезным, спросил:

– Ну что, приступим к архивным изысканиям? У меня много чего есть интересного. Та же машинка Зингера от и до,-

Академик шагнул к книжной полке и извлек первый фолиант. – Во всех подробностях от самой первой модели, до педальной. Электрических, правда, нет. Зато эти какие красавицы, вы только взгляните. Вот, Петрович, эти четыре страницы с обеих сторон и разворот с кинематикой подробной. Гони, экземпляра по три. Шьем три папки. Теперь вот еще прибабасы всякие к ней. Иглы, катушки, нитки, шпульки всякие. Давай, давай, шевелитесь – это вам не саблями махать.-

К вечеру вымотались так, что руки и ноги гудели. Зато материал собрали такой, что за каждую из папок, любое европейское государство /века 18-го/ отдало бы весь свой годовой бюджет не задумываясь.

– Убойный материалище, – удовлетворенно погладил толстенную папку Академик. – Теперь не стыдно перед соотечественниками. Велосипед, цемент, резина. Если это освоим вместе с машинкой швейной, то двинем Россию по пути технического прогресса со скоростью просто невероятной. А еще радио, телеграф и телефон в перспективе. Облизнутся "эдисоны". Прорывные технологии за сто лет, до того как они появятся,-

Мишка взвесил папку с материалами в руке. – Килограммов пять не меньше. И это только в вашем личном архиве. А если порыться в Публичке?

– В Публичке нароете не больше. Там макулатуры больше чем у меня, вот и вся разница. Собирают все, даже периодические издания ежедневные – газеты т. е. хранят все. Представляете вал бумажный? Три четверти площадей под это отводят. Интересно конечно, что та или иная газета писала об одном и том же, особенно при Советской власти, но информации конструктивной там ноль. А у меня, что ни книга – шедевр. Вот, кстати, недавно приобрел познавательную книжицу, хоть полностью копируй, но у меня их две, поэтому нет нужды. А название какое – "Клады". Автор собрал всю возможную информацию о найденных за последние пятьсот лет сокровищах.

На мелочи не разменивался. Если меньше десяти миллионов американских долларов, то и не писал о таких. И на территории России десятка три случаев описано. С точными картами и даже фотографиями местности. Вам это особенно должно быть интересно.

Серега вцепился обеими руками в переплет и присев на стул, принялся листать страницы.

– Надо же! Вот это да! Ни фига себе! – бормотал он. – Мишка, тут наше "Рюриковское месторождение" выглядит как-то не солидно на фоне всех этих находок. Ну, Федор Леонидович, да тут лет на пять работы, чтобы все извлечь и доставить. Караваны целые с золотом пропадали, представляешь, Миш? Тот же Тимур хромой – целую Индию ограбил и нагреб у махараджей вагон только одних брюликов, загрузил на верблюдов, отправил в Самарканд под охраной многочисленной и пропал караванишко вместе с людишками. Ни кто, ни чего не смог объяснить Тимурке. Голов нарубил с расстройств несчетно, до истины добираясь. А нашли в конце прошлого века два пастуха "пещеру Али-бабы". Оценено сокровище в нынешних деньгах в 12-ть миллиардов "гриннами". Это, наверное, самая здесь значительная сумма, найденная

на суше. Все есть и карта подробная и место указано точное. У меня прямо руки чешутся туда отправиться.

– Ты, Сергей, поверхностно пока листнул. Там есть и более значительные находки. И сумма эта не самая значительная, смею вас уверить. Есть и вовсе находки непонятные и количество поражает. Уж не от предков ли "допотопных" оставшиеся? Например, в Америке найден клад названный "Сокровищами Инков" – золото в слитках. Слитки, правда, не прямоугольные, привычной формы для нас, а блинообразные. Эдакие диски. И сколько бы вы думали кг? Семьсот тонн и оценен клад в кругленькую сумму – 30-ть миллиардов "гринов" все тех же пресловутых. Клад пирата Флинта, кстати, мало чем уступает по стоимости оценочной, но превосходит по ассортименту. Там гребли в сундуки все подряд и золото, и серебро, и камни. Вот взгляните. Карта острова сокровищ. Реальная карта. Атлантика. Глаза, смотрю, загорелись. Ну, с этим успеется. Книгу дарю, на досуге ознакомьтесь. Нам еще в Ленфильм сегодня поспеть необходимо. Григорий ждет. Голос мой услышал по телефону и, похоже, слезу пустил от радости. Вот уж не ожидал от него сентиментальностей.

В субботу выехали в Федоровку опять в том же составе, но Мишке все же пришлось накануне сделать ходку еще и с грузом. Четыре швейные машинки со столиками рабочими, приобретенные у знакомых и в антикварном магазине, вынудили смотаться. Ну, и сопутствующее барахло. Нина Андреевна ниток только коробку огромную, неподъемную, заставила загрузить.

– Там-то нет таких-то? Чем шить, Мишань? И что это за подарок невесте будет? Со стыда сгореть. Как вон твой джип без керосина! Кому он с баками пустыми нужен?

– Убедила, закупаем, – хозяйка магазинчика, в котором они закупили нитки, откровенно радовалась. Такие покупатели раз в год бывают. А вот Силиверстович разгружая, ворчал, потирая поясницу. – Куда этакую прорву тащите? Взяли десяток катушек и хватит. Тут на пять лет ниток всей мастерской, поди?

– Там большая мастерская, Евлампий Силиверстович. Двадцать девушек.

– А машин-то всего четыре. Или еще подвезете?

– Нет, больше не подвезем. Это все, что удалось достать пока. Сами наладим производство, тогда и ниток понадобится гораздо больше. А пока для начала хватит.

– Ну, вы прямо фанатики, ей Богу, – продолжал ворчать Силиверстович, перетаскивая коробки с машинками и столы.

Ну а когда Мишка разложил на диване и стульях одежду 18-го века для него и Тихоновны, то он и вовсе скис.

– Вот эдакие панталоны носили в те времена? Срамота какая. Чулки, башмаки нелепые, с бантами. Что я баба что ли, в такое наряжаться?

– Вы примерьте сначала, Евлампий Силиверстович. Со стороны конечно странная и непривычная одежда, а оденете, глядишь и понравится, – пошутил Мишка.

– Одевай, старый хрыч, не привередничай. Люди на киностудии взяли попользоваться, а он еще и выпендривается, – Тихоновна разглядывала платье, вертя его перед глазами, и даже ткань понюхала.

– Нафталином несет. Ох, и не люблю я этот запах, – зато когда вырядилась в платье, то даже Силиверстович глаза вытаращил и рот приоткрыл.

– Ну, мать, тебя и не узнать. Как есть графиня из телесериала, веера только в руке не хватает.

– Ну, так, не все ж вам в графьях-то щеголять. Одевай чулочки, "граф", вона мои резинки возьми, чтобы не свалились, – подбоченилась Тихоновна, действительно преобразившаяся до неузнаваемости.

– Тьфу ты, мать честная. Миш, может форму, какую военную бы подобрал? Я даже на солдатскую согласен. Но чтобы не панталоны эти с чулками и пряжками. Мне бы сапоги хоть кирзовые? – взмолился Силиверстович.

– Не было тогда кирзы, Евлампий Силиверстович. В 20-м веке ее придумали. Мы вам там, на месте закажем хоть генеральскую. А пока потерпите денек другой,– принялся уговаривать Мишка.

– Эх, какие муки душевные претерпевать приходится,– стонал Силиверстович, влезая в одежду 18-го века,– как вообще такое носить можно?– однако в сюртуке и чулках с башмаками он сразу стал похож на чиновника средней руки, ну а когда еще и цилиндр, плюнув от отвращения, напялил, то и вовсе на барина стал похож мелкопоместного и ворчливого.

– Хватит уже тебе ворчать, солидно выглядишь. Особенно шляпа хороша,– Тихоновна всплеснула руками.– Вот уж не думала, что одежда так может человека преобразить. Ну, совсем на себя не похож стал.

– Это кем же я там должен прикидываться?– Силиверстович потопал башмаками.– Жмут окаянные, как в кандалах.

– Вы там помещик мелкий, ну а Тихоновна помещица. Родственники мои. На деда с бабой уже не тянете, так что дядюшка и тетушка. Не возражаете?– спросил Мишка, улыбаясь.

– Не возражаем, племянш, стало быть. Ну а коль фамилии разные у нас, то значит по матери. Либо я ей брат, либо Агафья сестра. Жребий будем бросать, аль как?

– Обязательно, что ни то швырнем, я тебе родство с Нинулей так просто не отдам. Доставай монету. Орел ежели, то я тетка Мишанина, решка если, то я сестра Нинулина.

– Эй, погодь-ка, мать, ты чего это? А мне-то, что оставила?– Силиверстович замер с пятирублевой монетой на замахе.

– А тебе, ежели на ребро встанет и не упадет! И то я сомневаюсь, что выиграю. Сроду мне в играх-то не везло. Сколь раз лотерейки покупала и хоть бы рубль какой когда,– пресекла возражения Силиверстовича Тихоновна.

– Может быть вообще тогда, если в воздухе зависнет, то я выигрываю? Ну, мать, столько лет с тобой прожил и не подозревал, какая ты коварная оказывается. Жучара!!! Вон Михаила эдак-то друзья прозвали, не иначе как есть у вас родство скрытое. Поэтому уступлю без жребиев. Неровен час, в щель попадет, да на ребре удержится. Поедом заешь, поди. потом. Будь сестрой Нинулиной. Да вы и похожи с ней. Щи одинаково варить мастерицы. Я даже не скажу сразу, у которой вкуснее получаются.

– Я вот недельку не стану вообще ничего варить, так ты сразу поймешь у кого вкуснее,– Тихоновна величественно развернулась и уплыла в сторону плиты.– Как насчет поклевать чего-нибудь, господа помещики?– поинтересовалась она оттуда.

– С превеликим удовольствием, Агафья Тихоновна, завсегда готовы,– Силиверстович подмигнул Мишке.– Ты как племянш?

– Спасибо, тетушка, всенепременно,– Мишка шаркнул ногой и попытался галантно поклониться, но зацепился ногой за половику и чуть не упал, вовремя подхваченный "дядюшкой".

– Ну, ты что это? На ногах не стоишь? От предчувствия свадьбы не иначе,– высказал предположение Силиверстович.– Я, когда Агафью засватал, так тоже неделю на ногах от радости стоять не мог.

– От радости!?– фыркнула возмущенно Тихоновна.– Ты его, Мишань, слушай больше. Бражничал он целую неделю с дружками, холостяцкую свою долю провожал. А на венчание привели... Я как глянула и без чувств упала. Глаза заплыли... Вспоминать срамно!

– Вот и не вспоминай! Ишь манеру взяла! Может, сядешь, мемуары напишешь, как со мной почитай пятьдесят годков маялась?– обиделся Силиверстович.

– Дурень, ты дурень. Меня что насильно выдавали? Чай своей волей шла,– Тихоновна укоризненно взглянула на супруга.

– Представляешь, племянш, я за этой недотрогой два года хвостом ходил. Один раз даже братья ейные бока намяли. Суровые ребята были, но работающие и справедливые. Потом уж,

как породнились, так.– "Кому хошь, Евлампий",– говорят. – "Голову за тебя открутим". Жаль, с войны не вернулись.

– Сколь мужиков погубло,– Тихоновна горестно вздохнула и промокнула набежавшие на глаза слезы.– У нас из деревни двести человек ушло, а вернулось пятеро. В каждой избе похоронка, а где и по две, да три. Вот и захирела деревушка-то без мужика. И страна тоже. Будь она неладна така победа. Потому и Иосиф Виссарионович праздновать ее не хотел. Понимал, что не победа это, а насмешка. Никитка решил народу подсластить и 9-тое Мая сделал выходным, а до него-то и не праздновали. Так как-то сядем, посидим, поплачем. А с утра пахать заместо лошадей. Их-то тоже война сожрала, а которых не успела, тех потом Хрущев под нож велел пустить. Дескать "тракторами" заменим. Дурень, что с него взять,– опять вздохнула Тихоновна.– Нестуляка.

– Кто, кто?– не понял Мишка, присаживаясь к столу.

– Нестуляка? Ну, не на своем месте человек сидит, значит. Пустой,– объяснила значение простонародного слова Тихоновна.

– Да вы, тетушка, прямо психоаналитик. Ну а Брежнев как? Стуляка?

– Этот? Этот гусь лапчатый. Ровно дите какое с бирюльками и погребушками, так он с этими медальками тешился. Спесив, да меры не знающий. Гусь – одним словом,– выдала психоанализ Тихоновна.

– Гусь! А Горбач кто?– улыбнулся Мишка.

– С заплаткой то? Этот хитрован. Навроде лиса. Ну и пустобрех отменный. Говорит, говорит слова, а ничего не скажет ведь толком. Крутится, как пес за хвостом.– Тихоновна поджала осуждающе губы.– Себе на уме и для себя только старался. Лис – одним словом.

– Остался последний – царь Борис, как его уже кое-кто называет в шутку пока,– хмыкнул Мишка.

– Кто? Царь! Со свиным-то рылом? Да он тоже хитрован навроде Горбача, только из волчьей породы. Такой глотку перекусит и глазом не моргнет. И своего не упустит. Помянете еще мое слово. Лапу козь в казну запустит, то пока оттуда не выгребет все до полушки, не уgomонится. Ближко таких к трону подпускать не следует.

– Вот как значит? Вор?

– Хуже,– кивнула утвердительно Тихоновна.

– Куда ж еще хуже-то?– не понял Мишка.

– Разбойник с большой дороги. Бандит. И власть такую же насадит.

– Ну, так чего же вы за него голосуете тогда?

– Кто голосовал? Я и в глаза не видела эти бюллетени. В районе, поди, за всех отголосовались и не спросясь. Пади докажи. Очки втерли всему народу. Референдами своими. Кто за СССРу? Да, да, нет, нет.

Ну и где СССР? Была б я мужиком, да помоложе...

– И чтобы тогда сделали, тетушка?

– Подождла бы чего нито. Вон хоть райком где теперь правители местные заседают. Как там их теперь называют запаматовала, задумцы, законцы, засранцы? Вот их бы и подождла засранцев.

– Так ведь в тюрьму за это могут посадить? Терроризм!

– Ни че, пострадать за народ – святое дело,– Тихоновна вздохнула.– Только вот мужиков-то стоящих всех война прибрала, а новые народились ни рыба, ни мясо. Затюканные выросли. Сами себя "совками" называют. Дураки, мол, мы,– Тихоновна махнула разочарованно рукой.

– Ну не все "затюканные совки" есть и среди нынешних нормальные и стоящие.

– Мало, Мишунь. Я же вижу. Завистливы, да ленивы. Хотят все сразу и без трудов. Землю не любят и не понимают, а власти боятся... Хотя и злословят промеж себя. Что парни, девки

вон уже спились, да еще эту новомодну пакость употребляют – наркоту. Нанюхаются, накурятся и детишек с кем попало, уродов, рожают. Что через двадцать лет с народом-то будет? Придурки, да пьяницы все станут? Наркоманы, да гулящие девки? Ох, Мишань, разбередил всю душу ты мне своими вопросами. Сердце болит.

– Ну, извини, Тихоновна. Райком сжечь не обещаю в ближайшее время, но что-нибудь с Серегой обязательно подпалим. Вот только с делами неотложными разберемся, – пообещал серьезным тоном Мишка.

– Да я пошутила, Мишань, шут с ними с засранцами. Нет войны и ладно, – всполошилась Тихоновна.

– Ну вот, то вы говорите, что мужиков стоящих не осталось, то "шут с ними". Непоследовательно как-то!

– Так, а чего ты с бабки безграмотной и темной хочешь? Понятно глупость только и могу сказать, – заоправдывалась Тихоновна, испугавшись, что Мишка примется претворять в жизнь ее программу по борьбе с чиновниками, да еще Серегу подключит. – Ведь посодют вас энти-то, как за людей нормальных отвечать-то придется.

– Ни че, пострадать – святое же дело, – напомнил Мишка.

– Ну, Мишаня, ты все прямо буквально принимаешь на веру. Пошутила я, – совсем расстроилась Тихоновна. – Это что ж из-за меня вы в тюрьму пойдете?

– Пойдем, Тихоновна, и в тюрьму, и в ссылку, и в каторгу за вас. Как скажете, хоть в преисподнюю. Вы не стесняйтесь! – Мишка скорбно вздохнул. – Чего там.

– Ну, все, хватит, Мишань, над старухой потешаться. Жечь никого не надо. Это я пого-рячилась. Ты вот лучше расскажи, какие планы у тебя с женитьбой. Венчаться будете, аль в Загс поведешь невесту-то? – Тихоновна неумело перевела разговор на другую тему и Мишка, улыбнувшись, решил, что потешаться действительно хватит.

– Какой ЗАГС в 18-м веке, тетушка? Знамо дело под венец. Ну а потом, когда в курс дела введу Катюшу, тогда и здесь оформим. С паспортом что-нибудь придумаем и распишемся.

– Не боишься тащить девку-то через 200-ти лет сюда?

– Подготовлю потихоньку. Вначале в Федоровку привезу, она особой разницы и не заметит, если телевизор не включать и радио. Ну а потом по обстоятельствам.

Глава 2

Конец августа одна тысяча семьсот девяносто четвертого года выдался в Москве на редкость погожим и теплым. Шли грибные дожди и крестьяне радовались, наблюдая, как наливаются золотом колосья на полях. Готовились к страде взрослые, а ребяташки носились с лукошками по лесам.

К приему гостей Серега с Мишкой подготовились, смотавшись предварительно в Муром и доставив аппаратуру в Москву. В дом специально купленный для этого. Небольшой особнячок, двух этажный и всего лишь из десятка комнаток, он как нельзя кстати подвернулся им перед самым отправлением неделю назад и куплен был у прежних хозяев, вместе с обстановкой и тремя дворовыми крепостными. Им то и была поставлена задача, новыми собственниками по обустройству, содержанию и охране дома.

Дворня – семья из трех человек. Муж – Григорий, которого Мишка сразу по-свойски стал звать Гриней. Жена – Марфа, да сын – мальчонка лет пяти – Павлушка. Жила семья в отведенной им "людской" – конуре метров десяти и радовалась, что осталась при новых хозяевах.

Ну, а когда Серега велел им занять еще две комнаты и мебель оставил, то Марфа, /не веря в такое счастье/, даже всплакнула.

– Да пошто нам столь места?– не понимал Гриня, скребя пятерней в затылке.– Трем та?

– Сейчас трое, а через год глядишь и четверо. И вообще "дают – бери". Слышал такую поговорку?– взглянул на него вопросительно Серега.

– Слышал,– Гриня озабоченно оглядел свое семейство.– Эдак по комнатам разбежимся и сразу-то не найдешь друг друга.

– Привыкнете,– отмахнулся от этой проблемы Мишка.– Мы, Гриня, уедем недельки на три, а твоя задача содержать помещения в порядке и охранять дом. Ну, чего там тебя учить. Вернемся не одни. С нами приедут пятеро человек. Две барыни и три барина, чтобы понятно было. Подготовьте комнаты. Список составьте, что нужно из рухляди. Оставим деньги на расходы. Ну, а когда вернемся, оформим на вас "вольные" и служить будете за жалованье, если захотите. Ну а нет, так и Вольному – воля.

– Дак, куда ж мы отсель?– развела руками Марфа.– Че молчишь, Гриш?

– Понятно, че там... Остаемся, Михайла Петрович. Кака воля? От добра добра не ищут.

– Вот и ладно. К зиме готовьтесь потихоньку. Дрова, то се. Печки проверьте. У меня к вам все. Свободны,–

Мишка с Серегой поднялись на второй этаж и прошли в самый его конец через анфиладу комнат. Здесь они отвели одно помещение под аппаратуру, переброшенную из Мурома и нанятый плотник, врезал в двери новый замок.

– Жаль, дом не сохранится. Снесут и построят здесь небоскребище. Смотрел я план Москвы конца двадцатого. Театр какой-то будет на этом месте,–

вздыхнул Мишка с сожалением, подходя к окну и раздвинув шторы.– Вид-то какой! Прямо на Кремль!

– Вот ведь «хорошая мысль, приходит опосля», нужно в следующий раз заранее смотреть, где что там снесут или оставят, как памятник архитектуры. Переезжать что-то не хочется,–

Серега закурил и открыл створки окна. Плотник, заканчивающий работу, принялся проверять, как запирается дверь, с любопытством поглядывая на "господ".

– Ну что, мастер, готово?– Мишка подошел к дверям и подергал их за ручку.– Дубовая дверь-то. Ну, давай, предъявляй, что ли работу.

– Так ить все как надоть,– засуетился плотник и вставил ключ в замочную скважину.– Не извольте беспокоиться, барин. Не впервой чай,–

Мишка взялся за ключ огромный, с хитрыми завитушками выполненный и повертел его. Щелчки были мягкими и ригель скользил без усилий.

– Побольше замка не нашлось?– Мишка вынул ключ длиной сантиметров пятнадцать и весивший грамм сто.– На цепочку если привязать, то за кистень вполне сойдет.

– Нет, барин, этот самый большой и есть. А у нас в кузне всяки есть и для шкатулок куем, и для карет, и для конюшен, и для ларцов с сундуками...

– И для покойников с гробами... – закончил Мишка рекламный слоган.

– Пошто на гробы-то?– не понял шутки плотник.

– Чтoб не сперли,– подмигнул ему Мишка.

– Грех-то какой,– перекрестился мастер.– Это гдеж тако бывает?

– Шучу я. Иди к Грине. Скажи, чтoб рассчитался с тобой, да обедом накормил. Голодный пади тут с утра-то?

– Известно дело, есть маненько.

– Ключи запасные где, умелец?

– Каки запасны?– не понял "умелец".– По што?

– А если потеряем?

– Так и на што тогда такой замок? Ежели ключ неведомо у кого? Новый замок тогда надоть, аль в энтoм перебрать штыри.

– Ну а сломается если?– не унимался Мишка.– Или чтoбы не бегать друг вот за другом, чтo б у каждого свой был.

– Так ключарь для того у всякого барина есть, чтoб вязанки эти с ключами-то соблюдать,– опять объяснил Мишке положение дел "умелец".

– Короче, мастер, второй ключ нужен и быстро. А зачем он понадобился не твоего ума дело. Понравился он мне шибко к примеру. Желаю его на шее заместо медальона или талисмана носить. Когда готов будет?

– К вечеру, барин, тогда энтoт мне с собой взять надоть.

– Бери и вечером ждем. Сколько там за работу положено добавишь. Гуляй пока.– плотник ушел, недоуменно пожимая плечами, удивляясь барским причудам.

– Блин, Миха, смотрю я на тебя и диву даюсь, как быстро ты в шкуру помещичью влез. Спесь так и прет "гуляй пока".

– Какая спесь? Чтo ты несешь? Нормально разговариваю,– отмахнулся Мишка от ехидного Серегиного замечания.– За собой последи лучше. Орешь на людей почем зря.– "Морда коровья".

– Так я на кого ору-то? На козлов всяких, а с народом я уважительно разговариваю. А вот ты прямо забурил на глазах.

– Да ладно, забурил! Век такой на дворе. Мямлить начнешь, так живо на шею даже крепостные сядут и поедут. Роль есть роль. Играю, как могу. Отстань. Лучше скажи, как комнату надежнее запереть. Не верю я этим замкам. Заперто, значит, чтo-то ценное спрятано и дома никого нет, вот чтo означает замок. В деревнях-то избы вовсе не запирают, потому как воровать нечего.

– А чтo тут голову ломать, хлопни "Завесу" да и пусть висит. Вон над головой ляпни и хрен танком выдавишь. Проще будет стену сломать рядом с дверью.

– Хорошая идея, как я сам не сообразил, только голой рукой, наверное, нельзя. Прилепится к полотну, и будешь стоять, как памятник,–

Мишка натянул белую перчатку и, вынув "Завесу" прилепнул ее к дверному полотну.– Ну ка,– дернул он за ручку.– Все – намертво. Даже не шевельнуть. И нафига замок тогда вставляли?

– А замок, чтoбы думали, будто это он так надежно держит.

– Резонно. Ладно... поехали за родней.

В Федоровке переодевшиеся путешественники, сидели за столом у самовара. Парни взглянули на чаевничающих и не смогли сдержать улыбок. В нарядах 18-го века все выглядели несколько чужаковато и потешно. Особенно Федор Леонидович, нацепивший еще и паричок с буклями.

– Что за ухмылки?– приподнял гневно бровь, Петр Павлович. Ему достался мундир с ботфортами, которые даже были со шпорами и каждому было понятно, что сей отставник от кавалерии, а не от канцелярии.

– Да нет, ничего. Готовы, видим, отправляться? Мы тут с Серегой запор испробовали хороший из "Завесы". Дома-то никого не остается, ну и чтобы любопытные не совались, сейчас налепим на избенку.

– Так и чего сидеть? Поехали. Федор Леонидович вон уже взопрел под своими накладными косицами. И нас хотел обрядить, да мы не поддались. В этакую-то жару... Как в шапке ушанке, наверное, Федор Леонидович?

– Эх! Молодо-зелено!– вздохнул Академик.– Там ведь все так ходят. Вот и будете как белые вороны.

– Леонидович, вы не поверите, но почти никто не носит. Чиновники только на службу надевают и снимают их сразу, как только до присутствия добредут. Зимой может и все ходят, а летом что-то рвения особенного ни кто не проявляет. Да и запутано там все. Я недавно видел одного чудака, так он в такой паричище обрядился – до пояса букли висели и треуголка вся в перьях. Индейского вождя вспомнил. Так у того победнее были. А у этого павлиньи торчали. Народ на улице шеи чуть не посворачивал, оглядываясь. Вот уж "белая ворона", так ворона. А это... – Мишка махнул рукой на прически Силиверстовича и Петра Павловича ... – обычное дело. Провинциалы, что с них взять? Москвичи привыкли, что город, как двор проходной. Кого только нет. И удивить их уже давно не просто.

– Так может и мне тогда снять, Петрович? Взопрел действительно, круги уже перед глазами.

– Да снимайте вы этот камуфляж ленфильмовский,-

Мишка сочувственно взглянул на Академика.– А сюртучки-то тоже не по моде, молю побиты опять же,– пригляделся он к одежде реквизитной.– Даже заплаты смотрю есть. Реквизит он и есть реквизит. Перескочим и первым делом к Лили. Вот уж кто будет рада. Сразу три заказа. Ну а женщин Катюша обошлет. Тоже рада будет.

Переместились на второй этаж особняка, в самую большую комнату "залу". Женщины принялись осматривать помещения, а мужчины уселись за столик для курения.

– Кофе нам тут подадут?– поинтересовался Петр Павлович, оглядывая "залу".

– Подадут,– Мишка позвонил в колокольчик и на его звон примчался Павлушка.

– Здравствуйте, барин, че изволите?

– Ты вот, что Павлуш, Не зови меня барином, хорошо?

– А как звать?– растерялся мальчонка.

– Ну-у-у... – Мишка задумался.

– Зови его, сынок, дядькой Мишкой,– подсказал Петр Павлович.

– Не-е-е... Так-то нельзя, тятка заругат и уши оборвет,– запереминался с ноги на ногу Павлушка.

– Михаилом Петровичем зови,– пришел всем на помощь Академик.– Раз не барин и не дядька. Можешь еще сударем величать, тоже приемлемо.

– Слушаюсь, ба...сударь, Михайла Петрович, чего изволите?– сориентировался моментально Павлушка.

– Позови папаню своего сюда, знакомиться с гостями, ну и маманю. Хотя...-

Мишка прислушался к доносящимся снизу голосам.– Маманю, похоже, уже и не нужно. Без нас уже познакомились.

Павлушка умчался, шлепая босыми ногами по паркету и через минуту явился Гриня, изумленно остановившийся на пороге. В одной руке он держал здоровенный колун, а другой утирал пот со лба. Из дровяного сарая очевидно сынуля его выдернул.

– Чего это ты, Гринь, с топором? Никак повышенного жалования хочешь потребовать? Так мы не жадные целый рубль платить согласны в месяц тебе и столько же Марфуше, а вольные оформим на этой же неделе,-

засмеялся Мишка, а Гриня взглянув на колун, засмутился и начал искать глазами место куда бы его поставить, чтобы не дай Бог чего не сломать или не поцарапать.

– Да сунь ты его уже куда-нибудь, тяжелый ведь,-

посочувствовал ему Мишка и, взяв колун из рук, совсем растерявшегося Грини, положил его прямо на полированную столешницу.

– Вот, знакомься. Вся моя родня здесь,-

Мишка принялся представлять присутствующих. – Называть исключительно по имени отчеству, потому как ты человек уже можно сказать вольный, и господ над тобой нынче нет.

– Слушаюсь, Михайло Петрович, – поклонился Гриня.

– И без поклонов вот этих, Гринь, и без слушаюсь. Просто кивни или скажи "да, понял". Понял?

– Понял, Михайло Петрович, – кивнул Гриня.

– Как там насчет чайку гостям с дорожки или кофейку? Сообразить можно?

– Уже несем, – Гриня схватил колун, опрокидывая столик вместе с пепельницами и табакерками.

– Простите покорно, виноват... – обмер он, сжимая топориче и бледнея.

– Да хрен с ним со столом, Гринь. Не бери в голову. Ждем кофе, – Гриня облегченно перекрестился, взглянул признательно на Мишку и умчался со скоростью Павлушкиной, только не шлепая босыми пятками по паркету. На ногах у Грини были обуты свежесплетенные лапти. Вот ими и зашуршал.

– Стол-то, однако, крепкий какой, – Петр Павлович поставил столик на ножки и принялся собирать курительные принадлежности. – Рай тут для Сереги и Силиверстовича. Травись – не хочу. Мне что ли трубку приучиться курить?

– Я тебе приучусь. – В "залу" влетела Нина Андреевна с Тихоновной и Марфой. – Кухня здесь, просто мечта любой хозяйки. Газплиты, правда, нет и все на дровах, но зато какая посуда. Ах! Мы с Марфушей по дому пробежимся, а вы тут без нас, чтобы никуда, ни шагу. Кофе уже несут с шаньгами. Пошли, Марфуша, покажешь, что здесь и как.

– Это им на пару часов, как минимум. Ведь и на чердак полезут наверняка и в подвалы, – проводил женщин взглядом Петр Павлович.

– Ну, вы тут располагайтесь, а я поехал в швейную, обрадую Катюшу. Вот уж переполоху-то будет! – засмеялся Мишка. – А вы часика через два подгребайте тоже. Серега дорогу знает. Я за вами карету пришлю, – Мишка поднялся и вышел.

Карета подъехала ровно через два часа. Кучер приветливо распахнул дверцу и поклонился в пояс.

– Пожалте, господа, за все уплочено. Велено доставить, с нашим почтением.

А в швейном доме переполох стоял – это еще мягко сказано. Визг загроможенный. Девушки мели и терли где только можно, ну а Екатерина сидела бледная на диванчике и шевелила губами, зачитывая все молитвы, какие знала.

– Ну, что ты, Катюш, у меня мировые родители. Не робей. Вон уж подъехали, – Екатерина охнула и перекрестилась.

– Ну, вот! – Мишка вышел встречать гостей и быстренько представил их своей обомлевшей и чудом еще не упавшей в обморок невесте.

– Да ты, Мишань, запугал нами-то девушку видать,– расстроилась Нина Андреевна.– Ну-ка дай-ка я тебя обниму,– и прижала к себе Катюшу, а та потекла слезами, промокая их кружевным платочком.

– Простите меня, пожалуйста,– пролепетала она, уткнувшись носом в плечо Нины Андреевны.

– Да за что же, милая? Ну, вытри глазки, улыбнись и пошли с коллективом знакомиться.

– С кем знакомиться?– не поняла Катюша.

– С подружками твоими. Вон они носы-то любопытные высунули.-

Две следующие недели стали самыми суматошными в жизни Мишки. Он и представить себе не мог, сколько хлопот с этой свадьбой. А еще впереди предстоял разговор с Катюшей о том, кто он и откуда. Мишка ломал голову, с чего его начать и ничего толкового придумать не мог, кроме как взять, да и огорошить.

– Ну, вот как?– Мишка сидел за столом в трапезной и пил чай с плюшками. Очередная дежурная по кухне – Настена оказалась мастерица именно по ним, подтверждая утверждение Катюши, что у нее все девушки "пироги-то печь горазды".

– Что как?– Серега, сидящий напротив, лениво потянулся.– Тебе не кажется, что Верка с Леркой застоялись на конюшне? Может, смотаемся по-тихому, как в прошлый раз, куда-нибудь. Вот хоть за кладом этим индейским?

– Тебе что денег не хватает? Он там клад этот еще двести лет пролежит пока его найдут. И где эти 700-т тонн хранить? Бункер сначала построить нужно.

– Ну, ты, Миха, даешь! Да есть у нас такой бункер уже – пирамида. Места там, на сто таких кладов хватит даже на тысячу, только в одном конференц-зале. А оттуда брали бы по необходимости, сколько надо. Сейчас такие расходы пойдут, что только успевай отстегивать. Вон Тихон вчера докладывал, стройка развернулась прямо ударная. Когда строители узнали, что за каждый день досрочной сдачи премия в размере дневного заработка, так теперь по 25-ть часов в сутки пашут. На час раньше встают.

– Ну и нафига такая гонка? Мы что на пожар торопимся?– не понял Мишка строительного ажиотажа.

– Ну, в общем-то не важно, конечно, месяцем раньше или позже, просто взглянуть захотелось, как стимулирование работает,– Серега засмеялся.– Чудеса просто изворотливости проявляют. Людей-то набирать дополнительных не хотят, так столько рацпредложений уже внедрили, что просто даже мастера и Подрядчик диву даются. Какие-то блоки для подъема тяжестей придумали, тачки самопрокидывающиеся, чтобы время не терять.

– Серега, давай сначала со свадьбой разберемся, а потом уже клады и все остальное. Я тут голову ломаю, как Катюне объяснить про временные перемещения, так чтобы у нее крыша не поехала.

– Давай я ей разжую, что да как,– небрежно махнул рукой Серега.

– И как?

– Скажем, что у нас страна такая продвинутая технически, а то, что это та же самая во времени, пока умолчим. Они ведь думают вообще, что Земля на китах плавает и что она блин. Вот и не будем пока ломать привычные стереотипы. А то, что моментально перемещаемся, так на это сказки есть русские народные про ковер-самолет, например. Сознание выдержит. Конечно, сразу нельзя тащить в джип и гнать по шоссе со скоростью 160 км в час. Тогда точно получишь куклу с квадратными глазами. Рот откроет и закрыть сама уже не сможет. Полегоньку. Сначала вон машинку швейную пусть освоит. Потом велосипед, какой-нибудь. Потом телевизор покажем, ну и за год полегоньку привыкнет не удивляться. Она, кстати, про потоп и прочие библейские события лучше нашего с тобой в курсах. Им тут с детства про это батюшки рассказывают. А она еще и грамотная. В школе бы отличницей была. Вон как производством рулит. Бизнесвумен.

– Может ты и прав. Нужно с родней еще посоветоваться. Но ты не лезь к ней со своими рассказами. Я уж как-нибудь сам. С мамулей они вроде поладили. Может на нее это бремя свалить? У нее жизненный опыт. Введет в курс дела. Вон на машинке строчить за пару дней натакала. Девушки сначала боялись подходить. А теперь смотрю, очередь установили. Слышишь?

– Ну да, как из пулемета поливают. Так она простая и легкая в эксплуатации, поэтому и весь мир завоевала, за время буквально мизерное. Вот освоим выпуск своих, в следующем году и тогда посмотрим, как тут все завертится.

– Из-за одной машинки не завертится.

– А мы не только машинки выпускать начнем. Сначала машинки, а потом какие-нибудь керогазы, лампы керосиновые. Их пока тоже нет. При свечах живут и лучинах. Как в каменном веке. Многие даже дома отапливают по-черному.

– Прожектор ты, Серега. Короче, после венчания месяц медовый отдыхаю, а потом хоть куда готов. А вот и мамуля. Ну, что там, маменька?– Нина Андреевна присела устало на лавку:

– Плесни-ка чайку. Устала что-то я с этими хлопотами. У нас там все не в пример проще. Заказал банкет, оплатил и все. А тут все самим нужно. Стряпух найми, продукты закупи. Да еще эти наряды свадебные. В общем, очень тебя прошу, Мишань, никогда больше не женись.

– Хорошо. Обещаю. Вот этот раз будет первый и последний, маменька.

– А что? Мне нравится, когда "маменькой" называешь, что-то есть в этом слове такое забытое в нашем веке. Ласковость какая-то. Отец-то с приятелями, куда умотал с утра? Ничего не сказал, сорвались все трое и понеслись.

– Они людей выкупают. Сто первых семейств, ну и размещать поехали. Пока купили дом под общагу и перестраивать затеялись. Коммуна такая. Там Подрядчик сегодня заявиться должен. Архитектор опять же. Землю прикупили под это дело. Будем юнкеров и кадетов выращивать народных. С сентября хотят уже первых три группы начать обучать. Рабочие, грамотные опять же нужны. Покупаем-то людей всяких и грамотеев там 1-н процент. Здоровенные обломы, а считать не умеют до десяти. Ну и папенька наш, как бы директор этого училища.

– Мы что тут насовсем что ли поселились?– взглянула на Мишку озадаченно Нина Андреевна.

– Нет, в любое время можем вернуться назад. По необходимости будем навещаться, пока на самообеспечение не поставим. Свои пока учителя и мастера не появятся. Лет десять, пятнадцать придется мотаться и в двух временных потоках жить. И там и здесь по 15-ть лет пройдет, а мы по 30-ть проживем. Хорошо, что пилюлины эти есть, иначе бы скисли в момент.

– Да уж, хлопотное это дело. А вам-то здесь, зачем торчать непрерывно? Бери Катюшку и поезжайте, отдохните куда-нибудь на море.

– Ма-а-а, как все просто у тебя! Ей еще все объяснить как-то нужно, все эти перелеты временные.

– Да я уж ей половину почти объяснила.

– Какую половину? Что за половина?– Мишка даже рот приоткрыл от неожиданной новости.

– Ну-у-у, сказала ей, что у нас – ДОМА – немножко уже все не так, как у них здесь. Что таких вот машинок всяких разных понапридумывали люди. Что ездят на них вместо лошадей и землю ими пахут и даже летают на машинах.

– И что?

– Да закрой ты рот, сынуль, муха залетит еще ненароком,– Нина Андреевна пожала плечами.– Удивилась, конечно, и спросила можно ли ей съездить к нам. Я обещала.

– Вот так просто?

– А что тут такого?

– А как "ехать" к нам, ты ей не рассказала?

– Вкратце попробовала.

– И как это?

– Сказала, что на машине и поедом. И что сюда тоже на ней прибыли. Только любопытство чтобы не разжигать глупое, не показываем ее ни кому.

– И что? Не удивилась?

– Нет. Только она пока думает, что все эти машины на машинку швейную похожи. И что крутить педали там везде нужно.

– Для начала и довольно,– заулыбался облегченно Мишка.– Вы тут с Серегой пообщайтесь, а я пойду, гляну, как там девчата машину осваивают,– вскочил он с лавки.

– Иди, иди, жених, блин. Вот так и бросают друзей. Вот женюсь тоже, тогда поймешь,– Серега хмыкнул.

– На ком это? На Лили?

– Нет, Миш. Лили, конечно, бойкая, но больно уж расчетлива. Пока тут год нас не было у нее, таких как я кавалеров, десяток перебивало. Я что-нибудь поближе присмотрю. Девчонки, вон сколько. Ярмарка невест. А готовят как! Да я только за борщи одни на Анюте готов жениться, а за пельмешки на Полине. Про ватрушки вообще молчу и пироги Марфушины.

Желудком, значит. выбираешь?

– Почему желудком? И желудком тоже. У меня весь организм в процессе выбора невесты принимает участие,– засмеялся Серега, а Нина Андреевна покачала осуждающе головой:

– Ты, Серега, непутевый какой-то и расчетливый одновременно. Нельзя так-то вот. Песню Утесова слышал?– "Любовь нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь". Вот и жди, пока нагрянет.

– А если не нагрянет? Тогда как?

– Нагрянет. Так что расчеты все свои отбрось. Браки совершаются сначала на небесах. Так, кажется, раньше-то говаривали. Бог даст, вон как Мишуне. Нагрянула, и побежал с машинкой Зингеровской подмышкой за 200 лет. Хотела сказать за тридевять земель, как в сказке,–

Нина Андреевна повернулась к замершему на пороге сыну.– А ты не слушай, пошел так и иди. У нас тут взрослые разговоры. Катюша, поди, соскучилась уже за час-то разлуки?

Верно сказано.– "Счастливые часов не наблюдают". Свадьба с ее хлопотами и весельем, а также медовый месяц, который молодые провели в Останкинской деревушке, пролетели как один день.

Идею с деревушкой подал, как это ни странно Серега. Так прямо и сказал на другой день после венчания:

– Я бы, Миха, на вашем месте, куда-нибудь в деревню свалил. Подальше от смрада Московского. В 20-ый рановато для Екатерины, а в этом времени природа стоит не загаженная и воздух какой.

– А как же мастерская?

– Да уж месячишко-то как-нибудь и без Екатерины не разорится. Девчонки сознательные. Вон как пашут. Да и Нина Андреевна здесь присмотрит. У Тихона там домик есть. Вполне приличный. Езжайте.

– Катюш, ты как?– Мишка уже второй день как женатый, все еще не мог привыкнуть к своему новому статусу и не выпускал руку Екатерины из своей.

– Как скажешь, Мишунь. А что значит в 20-ый? Это где?– мимо её ушей не пролетели нечаянно оброненные слова.

– Это далеко. Потом расскажу. Ма, па, мы в Останкино,– Мишка вскочил навстречу входящим родителям. Было раннее утро и все собирались в столовой у самовара.

– Доброе утро, маменька,– обрадовалась Катюша.– И вас с добрым утром, батюшка.

Петр Павлович, только что о чем-то споривший с супругой, весь расцвел:

– Учись, Михаил, как к родителям-то надо обращаться.– "Па, ма". Сразу видно воспитанного человека. А ты у нас, какой-то... Эх! В кого такой?

– В вас, папенька,– просюсюкал Мишка, вызывая у присутствующих улыбки.– А где дядюшка с тетусшкой и дедушкой?

– Тихоновна с Марфушей хлопочет на кухне, Силиверстович умотал на рынок, а Леонидович сейчас будет. В библиотеке сидит. Он тут возами скупает все, что можно из книг. Даже объявления развесил по городу. И ведь несут, дворовых присылают. Леонидович руками машет от радости над каждой книжкой. Вот уж точно "охота – пуще неволи".

– Кто здесь в мой огород каменья швыряет?– Леонидович влетел, запыхавшись.– Прошу покорнейше простить за опоздание к столу, но тут, я смотрю, кое-кого и вовсе нет. Так что там, по поводу книг, не так?

– Все так, Федор Леонидович, голубчик, но только уж вы, кажется, чрезмерно много времени уделяете им. Забываете завтракать и обедать вовремя. Ну, куда от вас ваши книги денутся?– Нина Андреевна налила Академику чай и поставила перед ним чашку.

– Виноват, Нинуля, исправлюсь. Курсантов в кадетскую школу наберем тогда и отдохну. А пока я ведь не только в книгах копаюсь, но и программу составляю. Чему учить оболтусов великовозрастных. Из двух десятков ни одного грамотного. Пора уже начинать, Петр Павлович, что там у вас?

– У меня все "хоккей" с понедельника начнем прямо здесь. Парты сегодня привезут. Три десятка заказал. Еле смог втолковать мастерам чего от них требуется. Рисовать пришлось. А они еще и сантиметров не понимают, все аршинами меряют. Умучался. Зато с понедельника следующего приступаем. Вон Михаил в деревню собрался, значит, комнатенка еще одна освободится. Спальню там для учеников обустроим. За досками опять нужно ехать. Каменный век, вручную пилат их. Дорогие поэтому. Может, пилораму построим свою?

– Ты, папенька, совсем забыл, что электричества здесь пока тоже нет.

– Ну, значит бензопилораму.

– Бензина тоже нет пока. Керосин только в аптеках продается.

– Значит свой нужно везти.

– Ну и что тогда дешевле будет?

– Наша доска будет ровнее и дешевле.

– А не проще для учеников кровати привезти солдатские? У тебя же связи, Петр Павлович. Сколько их сейчас списывают в металлолом. «Царь Бориска» армию сокращает похлеще Хруща,– вмешался с конструктивным предложением Академик.– Смотайтесь с Сергеем. Михаила уж не будем трогать в ближайший месяц.

– Да уж, пусть отдохнет месячишко на лоне природы. Тихон места родные расхваливает так, что и не верится, что там, когда-нибудь все асфальтом закатают.– "Грибов, ягод – видимо не видно".

– Ну да – это здесь видимо, а у нас невидимо,– рассмеялся Серега.

Глава 3

А грибов оказалось на самом деле в этом году много и Мишка, никогда не собиравший их в свое время, с удовольствием мотался с Катюшей по Останкинским лесам. Даже научился отличать съедобные от поганок.

Уходили обычно с утра и на весь день, а возвращались с полными лукошками и счастливыми лицами. Осень была поздняя, вернее бабье лето затянулось до середины октября и дни стояли солнечные. За весь месяц, проведенный в деревне, они только дважды попадали под дожди. По-летнему теплые и даже с громом, молнией и радугой после них.

Один пересидели под вековой сосной, а вот второй сегодня, застал в чистом поле, и пришлось бежать к опушке, чтобы спрятаться под кронами деревьев. Пока бежали, дождь перестал, но промочил их до нитки. Ливанул, как из ведра. Будто кто-то, там, на небе, решил поозоровать и выплеснул на влюбленную парочку пару здоровенных ушатов.

Пришлось сушиться у костра. Заодно и перекусили, взятой с собой едой. Мишка попытался печь грибы, нанизав их на ветки, но они шипели, обгорали и падали в огонь.

– Ну, что это за баловство, Мишань?– Катюша укоризненно покачала головой.– Есть же с собой нормальная снедь,– Мишка, выковыривая очередной подпаленный боровик, проворчал:

– Ну, вот, а я читал, что так вот можно в лесу на одних грибах прожить,– выкатил веткой почерневший гриб и куснул от него, где почище. Тут же и выплюнул, насмешив Катюшу.

– Да где ж ты такое мог читать? Сыроеги, пожалуй, еще можно есть, они потому так и названы, а остальное без котелка, морока одна. А без соли и вовсе помой.

– В Москву завтра едем. Жаль. Хорошо здесь,– Мишка натянул высохшую рубашку.

– Понравилось? А ведь здесь люди работают и не замечают красот-то за трудами,– вздохнула Катюша.– Доля крестьянская. Говорят, что в сию пору день – год кормит. Это мы с тобой бездельники, даже стыдно перед людьми. Они вон здороваются, шапки ломают, а по глазам вижу, что осуждают. Как же – страда, а мы тут шлеяемся ровно ребятишки по лесам.

– Так, мы же белая кость, нам положено праздный образ жизни вести и потом мы ведь за все платим. За еду, ну и все такое,– не понял Мишка.– Дачники мы, вот.

– Слово-то, какое интересное. Вроде данники. Всем деньгу даем.

– Ну, да... Тихо, Катюнь, идет кто-то,– Мишка поправил перевязь сабли, с которой не расставался никогда, используя ее в лесу вместо топора.

Костерок они развели на маленькой полянке, а рядом с ней вилась лесная тропинка, хорошо протоптанная местными крестьянами.

– Вона дым никак?– услышали они голос с хрипотцой.– Гляньте-ка, Игнат и Ноздря, кого там Бог послал?– Катюша лихорадочно натягивала не высохший как следует сарафан, когда на поляну вывалились два мужика вида самого обыкновенного по этим временам. В онучах и лаптях, но с дубинами на плечах и в драных кафтанишках.

У одного и вовсе кафтан одет был на голое тело и болтался расхристано без пуговиц и кушака. Второй был одет по приличнее, рванье у него было аккуратно подвязано веревкой и под ним имелась рубаха серого цвета. Оба бородастые и потому похожие лицами, они радостно загудели в два голоса:

– Вот те на,.. не было полушки, да вдруг алтын. Эй!!! Кудеяр, Касьян, тут добыча сладкая!– из-за их спин вынырнули еще две заросшие бородами рожи и, встав рядом, принялись рассматривать Мишку с Катюшей, с любопытством и крестьянской обстоятельностью.

Вновь прибывшие, ничем особенным от двух первых не отличались, ни прическами, ни одеждой. Один и вовсе был босой, лапти висели на дубине переброшенной через плечо. А вот второй – видимо Кудеяр, тот был в ботфортах – смотрелись они на нем, правда, как на корове седло, нелепо облекая домотканые порты.

"Видать снял с кого-то", – подумал Мишка, заслоняя собой Катюшу и обнажая саблю.

– Ха-ха-ха-ха! – засмеялся залиvisto обладатель ботфорт. – Заступник, – ха-ха-ха. У меня ить пистоль, паря, – мужик вытащил из-за пояса здоровенный мушкет и наставил его на Мишку. – Обоих прострелю. Саблю брось, сымай порты с рубахой, да и беги отсель. Отпускаем, добрые мы нынче. Девка потом догонит. Слово даю атаманово. Вот те крест, – Кудеяр переложил мушкет в левую руку и размашисто перекрестился.

Мишка даже рот раскрыл от удивления. – «Вот уж простота нравов, впору расцеловаться по-христиански».

– Ты еще царицу небесную помяни, орясина, – посоветовал он Кудеяру, внимательно следя за стволом мушкета. – Не промахнись, смотри. Я тогда нарублю тебя ломтями, как брынзу татарскую.

– Ишь, орел, – не обиделся ни сколько Кудеяр. – Добром значит не хошь? Да я тебя и без пистоля щас самого на ломти порублю. На-ка, Каська, поддержи железяку, – Кудеяр сунул мушкет в руку безлапотному и выхватил из ножен саблю, тоже видать трофейную. – Заодно и опробую барскую сталь, – Кудеяр завертел ее перед собой, демонстрируя умение. Видать довелось в свое время и послужить, и повоевать.

– Молодец, – похвалил его Мишка. – Мне так сроду не научиться. Видать учителя были хорошие?

– Ха-ха-ха-ха. Нравишься ты мне, паря, даже убивать не хочется, ей Богу. – Кудеяр опять переложил, теперь уже саблю в левую руку и опять размашисто перекрестился.

– Да что ж, ты Ирод, Бога-то поминашь через слово, устами своими грязными? Еще и крестом обмахиваешься, ровно у царских врат окаянный! – вдруг заорала на Кудеяра Катюша, выскочив из-за Мишкиной спины. – Глянь, какой православный живорез выискался. Что бельма вытарачил? Аль не признал? Сестра я твоя во Христе. Забыл, Ирод, что в писании написано? «Где двое во имя мое соберутся, там и я промеж них», – Катюша перекрестилась и поклонилась Кудеяру.

– Здрав будь, брат во Христе. Это супруг мой Михаил, тоже православный. Поклонись, Мишань, Господу, – Мишка послушно перекрестился. – Вот уже и трое нас тут во имя Христово. Образумь, Господи, грешников, наставь на путь и пошли здравомыслие, – Катюша снова перекрестилась и рывкнула на четверых бородачей:

– Что стоите окаянные? Господь промеж нас, кайтесь, – и с последним ее словом, где-то совсем рядом грянул гром, так неожиданно и своевременно, что вся четверка вместе с атаманом тут же рухнула на колени, истово крестясь и бормоча каждый свою молитву.

– Прости, сестрица, – дрожащим голосом прохрипел Кудеяр. – Лихая жизнь затянула, нужда, да поборы. Не от хорошей жизни разбойничаем. Прости, братец. Отпусти, сестра-матушка, грехи. Господи, помилуй!

– Ох, братец, да за кого ты меня принимаешь? Поп я тебе что ли, грехи-то отпускать? Иди в храм, там и покайся перед батюшкой. Забыл дорогу, пади, туда?

– Благодарствуем, сестрица, от смертоубийства оберегла, – Кудеяр встал с коленей. – Пошли робяты, – и шмыгнул носом, как нашкодивший мальчишка. Мишке стало смешно. Четверых здоровенных мужиков с дубинами и мушкетом устроила его Катюша и чем? Словом! Мишка швырнул саблю в ножны и крикнул в спину Кудеяру:

– Эй, братан, погодь. У меня к тебе предложение деловое есть, – Кудеяр остановился и медленно повернулся к нему.

– Саблей ты знатно машешь, сразу видно мастер. Учитель фехтования мне нужен, не желаешь ли послужить? Мальчишек будешь обучать.

– Где это? – спросил равнодушно Кудеяр.

– В Москве. Я завтра туда отправляюсь.

– Мне в Москву дороги нет. В бегах я нынче. Вон видишь – Ноздря, красавец какой? Вот и мне тако же будет, коль поймают,– Кудеяр махнул рукой.– Ты, сестрица, в храм нас послала, дак ведь только до него и дойдем, как тут и повяжут охотнички. До батюшки и не дойдем. Прощевайте. Пойдем нехристей грабить.

– Подожди,– Мишка шагнул к Кудеяру.– Я ведь мог тебя сегодня и зарубить сгоряча-то, так что и на мне бы грех повис, поэтому приходите все четверо в Останкино. Спросите там Михаила. В домике Тихоновском я остановился. А ежели кто с охотничанием полезет, то скажете, что званы и с собой ведите. Я разберусь. После обедни приходите,–

Мишка протянул руку Кудеяру и тот, схватив ее своей лапищей, с силой сжал.

– Здоров ты, я смотрю, паря, мое пожатие мало кто выдерживает, все скачут козлами,– удивился он, а Мишка подумал.– "Хорошо, что "Завесу" успел нашлепнуть, прыгал бы точно или перелом бы получил".

– Говоришь, что убил бы меня? А я думаю, что ты со своей сабелькой на пятом замахе лег бы сестрице, под ноги. Ее благодари и Господа,– Кудеяр перекрестился. Рядом обмахнулся крестом Касьян.

– На пятом замахе бы слег?– Мишка взялся за ствол мушкета, который Касьян все еще держал в левой руке, и без всякого усилия вывернув его, сказал:

– Смотри,– мушкет, легонько подброшенный, вертанулся в воздухе и тут же свистнувшая Мишкина сабля рассекла его надвое.– Ну и на каком замахе я бы лег под ноги, сестрицы?– разбойники ошеломленно уставились на перерубленный мушкет. Кудеяр нагнулся и поднял обе половины.

– В полную негодность привел,– растерянно пробормотал он, рассматривая срез.– Эт что ж за сталь така?

– Молекулярная заточка,– пояснил Мишка.

– Молекулярна?– не слышал такой-то.– Эт что ж выходит, что ты, сестрица, нам жизнь только что спасла?– Кудеяр поклонился Катюше.– Как звать-то тебя, сестра?

– Екатериной зови, братец разбойничек. Да от предложения супруга моего не отказывайся. Господь тебе с товарищами случай счастливый посылает. Иди. С Богом,– ответила Катюша.

– Придем, как же теперь-то и не прийти, коль велишь,– поклонились все четверо и ринулись с поляны, испуганно оглядываясь.

– Придут, думаешь?– Мишка обнял Катюшу и прижал к себе.– Ты больше так не делай никогда. Я сам разберусь с кем угодно.

– Испугалась я, Мишань, за тебя. Вон он как саблей-то машет, аж в глазах рябит. Придут, конечно. Крадучись, но придут. Тут о вашей стройке ведь вся округа бает. И они, пади, слышали, да пока в толк не взяли. Спасибо, Господи,– вдруг поклонилась Катюша.– Не допустил пролиться крови христианской,– и где-то опять громыхнул гром, уже почти на пределе слышимости, видимо туча уползла совсем далеко. Мишка, перекрестившись, подумал.– "И ни каких "Завес, Осп и Перфов", а вслух сказал:

– Вот уж воистину, где двое соберутся, там и Господь посреди них,– и не смог скрыть легкого сарказма. Ирония, едва заметно обозначенная им, однако не укрылась от Катюши и она, резко отстранившись от Мишки, спросила:

– Ты никак, Мишань, посмеиваешься надо мной? Да и над Господом тоже?– укоризна в ее взгляде была такой глубины, что Мишка покраснел и принялся извиняться.

– Нет, Мишань, ты ведь что имел в виду, когда усмехнулся. Что не было Господа, а гром случайно гремел? Так ведь, скажи? Подумал?

– Да, Катюш, подумал. Прости,– Мишка обнял Катюшу, но она отстранилась и продолжила обличительно:

– Ты, думаешь, я не вижу, что веры-то нет у тебя во Христа или если есть, то совсем никакая. Ты и в храм, Мишань, ходишь только по тому, что я иду, и правила не читаешь, и всяко дело без молитвы творишь. Я ведь не слепая. На саблю у тебя больше надежд, чем на Бога. Вон она какая у тебя вострая. Пистоль как былинку рассек. Да еще вот все в ладошки хлопаешь и какую-то вещицу лепишь, а потом весь как каменный становишься, холодный. Я ведь вижу.

– Катюш, да что же теперь делать-то? Такой вот я дурак, но я исправлюсь еще таких вот пару "чудес" и уверую окончательно.

– Опять шутишь, Мишань? Зачем же ждать случаев таких-то? Господь промеж нас стоит и никуда не делся. Вот сейчас и получишь доказательство,– Катюша перекрестилась и зачитала Господню молитву,– затем снова перекрестилась и, выдернув саблю из ножен, что-то быстро прошептав, без усилий сломала ее пополам, как хворостинку.– Вот тебе еще одно "чудо", кинула она саблю под ноги Мишке, а тот изумленно уставился на обломки и произнес перекрестившись:

– Прости, Господи, глупца,– потом шагнул к Катюше и прошептал:

– И ты прости, Катенька,– Катюша всхлипнула:

– Не шути больше никогда так.

– Катюш, ты еще Серегину вот так же можешь сломать? Чтобы спеси в нем поубавить. Гордыни то есть?

– Мишань, да ведь не я ломаю. Господь вразумляет. Все в Его власти,– Катюша нагнулась и подняла обломки сабли.– Я не делала ничего, просто молитву Господу зачла и попросила железо сие рассечь,– Катюша опять зачитала Господню молитву и соединила обломки. Металл сросся и Катюша протянула Мишке его оружие. А тот даже сделал шаг назад и, оглянувшись, осторожно взял саблю:

– Господи, сколько попросил, столько и увидел,– Мишка перекрестился и попробовал сломать сталь сам. Сабля выдержала, а то место где она была переломлена, девственно поблескивало, и Мишка снова перекрестился.

– Ну, ты, Мишань, что-то смотрю, в другую крайность ударился. Господу твои махания руками ни к чему. Он в сердце смотрит. Что у тебя там? Испуг, Изумление? Вера должна быть и Любовь. Ну а коль их нет, то Надежда должна быть. А уж если и ее нет, то, значит, мертв человек.

– А как же жить-то, когда вот так Господь рядом?– Мишка засмутился, а Катюша расхохоталась.

– Ты как мальчонка пятилетний, Мишань, Господа застеснялся. Да Он всевидец и приходит всегда, когда ты позовешь и допреж зова даже, но не лезет навязчиво. Твоя Воля должна быть, а потом только Его на Тебе.

– Так Его нет сейчас рядом?– Мишка оглянулся.– А как же Он слышит молитвы и просьбы?

– Мишань, что ты озираешься. Бог есть Дух. Его увидеть нельзя, если Он, Сам этого не захочет. А если просишь Его о чем то, а Он не дает, значит, или не на пользу тебе сие или сам можешь это сделать, постаравшись. Просить нужно только то, что сам сделать не можешь, вот как я... – Катюша вздохнула:

– Только не проси ничего своей волей, только с Его Воли проси. Говорить нужно: –"Да будет, если на то Воля Твоя".

Кудеяр с "бригадой" появился, как было сказано и стояли разбойнички у ворот Тихонова дома, не смея постучать, а вокруг них собрался любопытный народ деревенский, недоуменно переговариваясь.

Наконец какой-то старичок не выдержал и спросил Кудеяра, подергав его за рукав каф-тана:

– Чей то здесь? Аль на Большой дороге скучно стало?

– Уйди, дедок, Христом Богом прошу. Екатерина велела прийти. Вот и пришли к Михаилу.

– Катерина? Ну, тады стойте, скоро будут оне,– обрадовался старичок.– А вона уже и идут из церкви,– подслеповато щурясь приложил он руку козырьком ко лбу.– Оне самыя.

Мишка с Катюшей подошли к воротам дома и поздоровались со всеми сразу, поклонившись:

– Здравы будьте, люди добрые,– Мишка оглядел толпу.– Что за собрание?

– Здрав будь, боярин Михаил. Здрав будь и ты Катерина...– понеслось со всех сторон.

А старичок пояснил:

– Вот на диво взглянуть собрались. Стоят тати и ждут, а чего? Говорят Вас,– Кудеяр поклонился в пояс и прошептал почти еле слышно:

– Вот пришли, как велено,– остальные члены шайки тоже согнулись в поклонах.

– Ну, проходите, коль так,– Мишка повернул запорное кольцо и открыл калитку, рядом с воротами.– Расходитесь, люди добрые, ничего интересного больше не будет сегодня. Вечером приходите, часам к восьми, медом угощу. Уезжаем мы с Катюшей завтра с утра. Все приходите. Сколько есть. Всем передайте. Ждем,–

Мишка взял под руку Катюшу и оглянувшись, попросил Кудеяра:

– Калитку прикройте и проходите в дом,– и разбойники, пугливо озираясь, двинулись гуськом вслед за хозяевами.

Прислугу молодые не держали, предпочитая все делать сами и, Катюша сразу хлопотала у печки, поставив на уголья чайник.

– К столу прошу, господа разбойнички,– пригласил Мишка несмело переминающихся с ноги на ногу мужиков.– Перекусим, чем Бог послал. Катюша сегодня суп грибной сварганила, пальчики оближете. Говорит,– "Мужички подойдут и голодные чай из лесу-то." Наварила чугунище ведерный, так что ешьте сколь влезет.

– Мы, боярин это,.. сыты, ты уж того,..– начал Кудеяр.– Извини,...

– Ну, я во-первых, не боярин – это меня тут так ошибочно все зовут, ну а я и не стал каждому объяснять. Пусть хоть горшком называют, только в печь не ставят. И называйте просто, Михаилом. Во-вторых, садитесь, потому как в ногах правды нет. И за обедом поговорим. Катюша вон уж и миски с ложками расставила. Давай, давай. Коль не голодны, то так похлебаете за компанию,– мужики переглянулись и прошли к столу. Расселись на лавках и чинно сложили руки на коленях.

– Ну-ка в одну руку ложку, во вторую ломоть хлеба. Сама пекла. Съесть все и пока чугунок не опростаете, не выпущу,–

Катюша принялась разливать по чашкам грибной суп. Потом помчалась в сенцы и вернулась с крынкой сметаны. Быстренько вывернула в каждую миску по огромной ложке и опять умчалась. Вернулась с кувшином медовухи:

– Сухая ложка рот дерет,– расставила перед гостями кружки и наполнила их,– Мишаня-то не пьет у меня, а вам для знакомства можно, да и понадобится сегодня мне мужская грубая сила. Народу-то Мишаня наприглашал, всю деревню. Надо будет в трактир за медовухой и пивом съездить. Давайте, мужички.–

Разбойнички переглянулись, перекрестились на образа и, выцедив из кружек медовуху, принялись махать ложками столь усердно, что через пятнадцать минут в чугунке поварешка уже скребла остатки по доньшку, а хлеба умяли при этом две ковриги.

– Молодцы,– похвалила мужиков Катюша.– Если вы еще и работаете так же, то цены вам нет.

– Спаси Бог, хозяйюшка,– закрестились разбойники.

– Рано, рано спасибо-то говорить. Чай поспел,– Катюша принялась разливать чай.– Самовара нет, жаль. Не завел Тихон. Ну, ничего и из чайничка с пирогами сойдет. С малиной они у меня сегодня,-

Катюша поставила на стол поднос с пирогами.– Ну, не буду мешать. Мишань, отчаевничааетесь, поговорите, да в лавку к Сидорычу сходите. Народу-то придет человек двести. Ты ведь всех позвал, а значит и мелюзга соберется и бабы. А они пряники любят, вот и озаботься. Петушки там какие-нибудь ребятишкам. Боюсь, что лавку сегодня у Сидорыча всю выпотрошить придется. Ну и в трактир загляните. Сколько там у этого, аспида зелья есть, все забирай. Мужики пусть поражаются,-

Катюша выскочила из избы и помчалась по соседям, договариваться насчет столов и лавок.

– Огонь девка, повезло тебе, боя... Михаил то есть,– засмутился Кудеяр.

– Ну, что ж, братцы. Нанимаю вас на работу, если кто не против. Пока на разные погрузочно-разгрузочные, а потом видно будет. Вот Кудеяр мастер саблей махать и наверняка рукопашник, ему инструктором, т.е наставником в самый раз в нашей школе кадетской. Мальчишек обучать. Жалованьем не обидим, жильем обеспечим и документами справными, чтобы власти не придрались. Но до первого срыва. Коль опять согрешит кто, то сам и ответит. Помогать не правому не станем. Коль не виновен, то вытащим хоть из преисподней. Проверять будем. Ну, с Кудеяром ясно. Это что имя или фамилия?

– Прозвище тако. Кудряшов я Иван Савельев сын,– Кудеяр чуть не подавился пирогом и закашлялся.

– Да ты не суетись, Иван Савельевич. Теперь так зваться будешь. И документы оформим на тебя по этому имени. Кудеяр, конечно, круто, но Иван Савельевич как-то понадежнее и пообстоятельнее,– улыбнулся Мишка, увидев как затряслись руки у атамана и даже кружку тот поставил на стол, чтобы не выронить.

– По батюшке величать станете?– не поверил он.

– Станем,– Мишка опять улыбнулся.

– Ну, Михаил, да я... да... за Вас, да...– Кудеяр опять шмыгнул носом по-мальчишечьи.

– Все проехали. Потом расскажешь. Ну а вот ты кто Ноздря – это ведь тоже кликуха?

– Вестимо,– Ноздря дотронулся рукой до носа с рваными ноздрями.– Как вот на люди таким появляться? Только по лесам и шастать. А коли еще на лоб клеймо ляпнут, то и вовсе кроме как в лесу и быть нигде нельзя.

– Что ты заладил "лес", да "лес". Зовут-то как?

– Иваном також, как Кудеяра и Фамилия Иванов,– пробормотал Ноздря.

– Ага, и по батюшке, небось, тоже Иванович?– высказал Мишка предположение.

– Откель узнал?– простодушно изумился Ноздря.– Иваном отца звали. У нас все старшие всегда Ивановы. Так повелось. Да вот на мне видать пресечется,– вздохнул Ноздря.– Кому такой красавец-то нужен?

– За что наказан?– спросил Мишка.

– Усадьбу барску ктотось пожег, а искать виноватых не стали. Каждому десятому на деревне ноздри рванули. Мне еще повезло, не шибко прихватили, а некоторым оторвали напроч, нос-от. Кровью изошли. Двадцать человек нас всего таких-то... Построили деревню в шеренгу и барин сам каждого указал.

– Это кто ж такой?– любопытствовал Мишка.

– Немец – Шмит Карла Йоганыч. Шибко лют...

– Ну ладно, Бог с ним со злодеем. Что умеешь? Грамотен?

– Нет, Михайло, не учен. А работу всяку могу исполнять. Кузнец я потомственный. У нас все при кузне испокон. Что хошь скую,– Мишка чиркнул карандашом в блокноте:

– Хорошо. Ну а ты, Игнат, кто по фамилии?– задал он вопрос следующему члену шайки.

– По ревизской сказке я Игнат Борисов, а отца с матерью не помню, потому, как барин меня еще малолетним запродавал вместе с родителями другому барину, а там холера. Впрочем все померли и никто не вспомнил потом, что я да как. Записали Борисов, потому как деревня Борисова. А хлебопашеством всю жизнь промышлял. Пока барщина не допекла. А тут вот их в лесу встрянул ну и айда,...!!! Безграмотен опять же.

– Отчество тебе Борисович запишем. Запомни,– Мишка пометил в записной книжке.

– Ну и Касьян остался.

– Этот у нас грамоте-ей. Все науки превзошел. Семинарию в Москве закончил, да вот с епископом не ужился,– Кудеяр хмыкнул.– Им ведь после окончания положено матушку найти иначе приход не дают. А Игнату вокурат 25-ть и стукнуло, а он не женится, вот его в звонари и поставили в наказание. А жалование там... В общем разругался он с настоятелем, да и подался в лес.

– Что-то больно гладко. Сам-то, что без языка что ли?– Мишка хлопнул Касьяна по плечу.– Не робей.

– Да я и не сробел, Михаил Петрович, просто слово ведь вставить не дает атаман-то наш бывший.

– Откуда отчество мое узнал?– взглянул на него пытливо Мишка.

– Крестьяне в толпе так называли, вон, мол, боярин Михайла Петрович с Катериной.

– Грамотен значит? Нам учителя нужны. Согласен ли? Да назовись.

– Пушкин Касьян Сергеевич,– улыбнулся бывший семинарист расстрига. Мишка карандаш чуть не выронил:

– Ну, брат, фамилия у тебя знатная. Хорошо хоть, что не Лермонтов.

– А это кто ж таков?– спросил Касьян и отхлебнул чайку.

– Да, есть такая знаменитость. Это я так к слову,– Мишка оторвал взгляд от блокнота.– Ну, вот и все, братцы, сейчас отправимся выполнять поручение Екатерины, а все остальное уже в Москве. Бумаги и прочее. Пока рядом будьте, чтобы недоразумений не было. Переоденем вас, во что-нибудь в лавке у Сидоровича. Уж больно выглядите непрезентабельно. Непотребно, в смысле неказисто.

В Москву выехали ранним утром и к обеду уже подъезжали к особнячку. Жизнь здесь бурлила. За месяц тихий домик превратился в маленький вулкан. Гриня, встретивший их у ворот, кинулся открывать дверцу кареты:

– Молодые возвратились!– крикнул сам себе, потому что никого больше рядом не было.– Здравия желаю!– вытянулся он, открыв дверь и молодцевато поднес руку к картузу.

– Чего это ты, Гринь, ровно солдат нас приветствуешь?– Мишка выпрыгнул из кареты и подал руку супруге.

– Так тяперича так здесь все здороваются, потому как мы Училище. ФЗУРМ.

– Чего мы "тяперича"?

– ФЗУРМ – Фабрично-заводско училище расейской молодежи. Вона и вывеска соответственная. –

Мишка с Катюшей повернули головы и увидели над входом "соответственную" вывеску.

– Однако, тут время зря не теряют. А мы новых сотрудников привезли. Гринь, найдется, где обустроить или как тут нынче с площадью?

– С площадью плохо, все для кадетов. Спальни, классы. Могу временно пустить в свои хоромы. Выделю комнатенку, коль не на долго,– Гриня хмыкнул.– Марфуша уже привыкла в трех-то горницах хозяйничать. Ежели возражать не будет.

– А говорил "куда столь", – напомнил Мишка.– Ты, Гринь, скажи Марфуше, что на недельку и заплатим за постой, как положено. Ребята смирные, вежливые, богобоязненные. Знакомься,– четверо новых "сотрудников", бывшие разбойнички, переодетые в новые зипуны, подошли, спрыгнув с телеги и степенно поклонились Грине.

– Вы тут пока побудьте, я с начальством переговорю и представлю вас, как полагается, – озадачил их Мишка и ушел с Екатериной в особняк, а мужики, столпившись вокруг Грини, принялись его расспрашивать, что здесь и как. А тот с удовольствием принялся хвастаться "своим хозяйством".

Внутри особняка стояла тишина, которую нарушал только голос Федора Леонидовича.

– Урок ведет, – шепнул Мишка Катюше на ушко. – Пошли на кухню с Марфушей поздороваемся.

На кухне они застали не только Марфушу, но и Тихоновну с Силиверстовичем.

Силиверстович сидел за столом и с видимым удовольствием прихлебывал из чашки чай. Женщины суетились у плиты.

– Мишаня, с Катюней... – всплеснула руками Тихоновна и кинулась обнимать молодого. – Ну, как там в деревне?

– Хорошо, тетушка, а вы тут, гляжу, развернулись во всю Ивановскую? Много ли кадетов набрали?

– Здорово, племян, – Силиверстович радостно улыбаясь, обнял Мишку и Катюшу. – Садитесь, перекусите с дороги. Мать, корми ребят. А кадетов сорок человек нынче здесь. По распорядку живем. У Петра Павловича не забалуешь. Ох, строг. Все по часам у него. Везде их повесил, чтобы, значит, никто не мог отпереться не знанием. Даже вон Марфушу заставил научиться циферблат понимать. Запугал девку так, что у бедной целую неделю глаза, как пуговицы круглыми были, – развеселился Силиверстович. – Выучила! Марфуш, скажи пожалуйста сколь сейчас время?

– Двенадцать сорок семь, – торопливо ответила Марфуша, глянув на ходики висящие над столом.

– Молодец! – Мишка подмигнул Силиверстовичу. – И чем же это Петр Павлович запугать смог бедную Марфушу аж до глаз "пуговицами"?

– Сказал, что пока цифирь эту не усвою как след – в церкву, чтоб ни ногой. Грех-то какой! – пригорюнилась Марфа.

– И долго ли училась?

– Цельный день, Михайло Петрович. Спасибо Тихоновне – разъяснила. Самой бы мне и за седмицу не сообразить, – вздохнула Марфа.

– Что ж он так насел-то на тебя, Марфуш? – посочувствовал ей Мишка.

– С обедом припозднилась, урок задержала и расписания регламентна сорвалась, по ту пору. И все навроде, как я виной, – пожал плечиками Марфуша.

– А кто же на самом деле?

– Дак кто ж знат? Я ить при кухне завсегда. Может, зашел кто чужой, да сорвал? Двери не заперты. За чужой грех пострадала, Михайло Петрович. Вы бы сказали, батюшке-то своему, чтоб не гневался.

– Скажу, Марфуш, покормишь нас с Катюшей, и тогда обязательно словцо за тебя замолвим, – пообещал Мишка. – Силиверстович, по-моему, не прав Петр-то Павлович? Невинного человека обвинил, Бог знает, в каких преступлениях, –

Марфуша, услышав про "словцо" заметалась от плиты к столу с такой поспешностью, что вместо двух чашек борща, налила три и ложек выложила столько же.

– Это ты, Марфуш, кому третий прибор установила? Двое нас с Катюшей. Или ты и Силиверстовича подкормить решила?

– Оне уж отобедали, – растерялась Марфа. – Это я в заполохе-то напуталась, – и чуть не расплакалась из-за этой оплошности.

– А сама-то обедала уже? Нет? Ну, так и присаживайся, давай с нами. Павлушка-то где, что-то не вижу?

– Павлуша из классов не вылезает. А Федор-то Леонидыч гнать не велел. Говорит, смышлен и когда вырастет, то всенепременно ученым будет, – покраснела Марфуша, усаживаясь за стол.

– А ты сама-то грамотна?

– Где уж нам-то. Считать вот выучилась до ста с Тихоновной, а буковки шибко сложно постичь. Да и к чему мне? Вон, Тихоновна говорит что надо. А, Гриня, говорит "на кой леший?" Кого слушать?

– Тихоновну, она старше. А Грине мы объясним, что не прав он. Учись, Марфуша, читать. Я тебе книгу с кухонными рецептами подарю.

– Ой, правда?

– Вот те крест, подарю. Будешь по книге готовить. Тогда Петр Павлович зауважает небось.

– Ох, и трудно это азбуку-то постигать. Я уже три буквицы знаю. Аз, Буки и Веди.

– Старайся, Марфуш. Я к вам на постой четверых мужиков на недельку привел. Потерпите с семейством? Заплатим за беспокойство, – вспомнил Мишка о насущном.

– Так я что? Как Гриня скажет.

– Гриня сказал, как ты, так и он.

– Ну, вот и ладно. Пусть живут сколь надо. Мужики-то смирные? – забеспокоилась Марфа.

– Смирные, мухи не обидают. Вот у Катюши можешь спросить – она не даст соврать, – заверил ее Мишка.

– Хорошие ребята, но ты с ними поостороже. Коль чего сказала, так требуй, чтоб выполняли. Они строгость любят. Привыкли видать сызмальству, – подтвердила Катюша, улыбаясь.

– Вон как? Хорошо, что упредила. Буду по строжей, – Марфуша воинственно стукнула кулачком по столу, наморщила курносый носик и вдруг гаркнула фельдфебелем:

– "Равняйся. Смирна!" – Мишка подпрыгнул от неожиданности. А Марфуша засмеявшись, спросила:

– Так ладно, аль громче надоть?

– Ну, папенька... – Мишка изумленно уставился на кухарку. – Всех заразил тут своими армейскими штучками. Кадеты, наверное, строем ходят?

– А и правильно, – махнула рукой Марфуша. – В форме – так нечего толпой праздной прогуливаться. Только больно уж громко топочут, все разом когда, – наверху раздался звонок и тишина наполнилась гулом голосов.

– Обед у кадетов-то. В столовую сейчас нагрянут, – вскочила Марфа. – Кухарок, Михайло Петрович, надоть еще нанимать, двух аль трех. Не успевам мы уже с Тихоновной на такую ораву готовить. Ребятишки, конечно, помогают, которые по наряду дежурят, но оне ведь что, только как сила, а варить-то мы. Не успеваем.

– Ну, пока один раз всего не успели, – Тихоновна открыла окно из кухни в столовый зал: Принимайте котлы, ребята, – в окне появилось несколько любопытных мальчишечьих мордашек.

– Спасибо! Накормили. Не будем вам мешать. – Мишка поднялся и подал руку Катюше.

– Как там, у маменьки, с мастерской? Справляется?

– Что ты, Мишань. Раскрутила так, что просто диву даемся. Она сорочки строчит готовые и картуза. Пол Москвы носит. Заказы-то ручные на машинках – быстро без работы оставили, вот и взялась за готовую продукцию. Катюше теперь только поворачиваться успевать. А еще форму вон кадетам, да рабочим. И такая ладная, что и горожане пошли с просьбами. Силиверстович сапожную мастерскую налаживает, что б самим сапоги-то тачать. Троих сапожников уже посадил. Шьют. У нас тут, Мишань, у всех забот полон рот, – принялась делиться последними новостями Тихоновна, одновременно орудуя поварешкой.

– А Серега, чем занимается?

– Серега арифметику преподает и снабжением ведаёт. Нет же ничего, за что ни возьмись. Вот и бегает туда-сюда. А ещё стройками, да финансами... Ну и с чиновниками тоже он дружбу налаживает. Его уже вся Москва знает. Даже ограбить пытались.

– Да вы что? Кто? И чем кончилось?

– Говорила ведь оглашенному, не носись ночами по городу один. Так он разве слушает. Вот и подкараулили с кистенями. Трое говорит было всего злодеев-то,-

Тихоновна поджала губы и, подавая каравай с хлебом в окно, добавила. – Соврал, конечно, больше их там было.

– Почему так думаете?

– По количеству зубов, которые полиция сосчитала потом выбитых. Столько у троих не бывает.

– Так сколько их там нашли? Тыщу что ли? – взглянул на неё удивленно Мишка.

– Ну, тыщу конечно не собрали, но десятка три и все передние. Ты его сам расспроси, коль интересно, ведь с проломанной головой приполз,-

Тихоновна вздохнула скорбно. – Лихих-то людей на Москве много. Обыватели на семь засовов запираются на ночь. Разбой по городу – дело обыкновенное. Ты хоть ему скажи, шалопутному, чтобы бережливее себя вел. Ну, куда ночью бежать? День есть для дел-то.

– Скажу, тетушка.

На кухню вбежал Петр Павлович, закричав с самого порога:

– Марфа, принимай дежурных, поставь задачу, – следом за ним вошли четверо парней различного возраста от 10-ти до 18-ти. Они остановились на пороге и, стянув с голов форменные фуражки, хором поздоровались: – "Здравия всем желаем".

– Орлы, – похвалил Петр Павлович парней и кинулся обнимать сына с невесткой. – Приехали, наскучило лоботрясничать-то? Это там мужички с вами?

– Да, батюшка, – Мишка скривился, а Петр Павлович, расплылся в довольной улыбке. – Там интересный человек для тебя есть. Сабельным фехтованием может удивить. Кудряшов Иван Савельевич. Кузнец ещё среди них – Иванов Иван Иванович. Ну и семинарист вам интересен, наверное, будет – Пушкин Касьян Сергеевич.

– Пушкин? – переспросил Петр Павлович.

– Пушкин, Пушкин. А что тут такого? Учителем может работать.

– А про четвертого, что ж не говоришь. Неумеха что ль?

– Пахарь он и для ФЗУРМа бесполезен. Разве что в помощь Грине. Борисов Игнат Борисович.

– Ладно, разберемся. А тот, что с лицом покалеченным – это кто?

– Кузнец и есть.

– Пластическую операцию ему бы не мешало сделать. Больно уж страшное лицо у парня, – посочувствовал Петр Павлович.

– Нет здесь пока пластических хирургов, – вздохнул Мишка.

– А тебе, когда лицо рубанули, чем лечили?

– Так допотоповскими средствами из аптечки. Только у меня-то, свежая была царапина, а у него уже зарубцевалось. Вряд ли поможет, такой шрамище и часть вообще отсутствует. Попробуем, конечно, но лучше парня не обнадеживать. Он и так переживает, что за него никто замуж не пойдет.

Глава 4

Прозвенел звонок, извещающий об окончании перемены и, в соседнем помещении загремела, собираемая дежурными посуда.

– Ну ладно, я молодцов твоих забираю. Иванова, пока попробуешь подлечить, оставляю тебе. Борисова в помощь Грине. Марфа, проследи, – Марфа щелкнула каблуками:

– Слушаюсь.

– Ну, девка, на глазах растешь, – умилился Петр Павлович.

– Рада стараться, Петр Павлович, – гаркнула Марфуша и первая рассмеялась звонким смехом, а за ней и все присутствовавшие, даже кадеты расплылись в улыбках.

– Вот так и живем, – Петр Павлович хлопнул Мишку по плечу и выскочив за дверь, крикнув на прощанье:

– Поезжайте в швейную. Там вам все приготовлено, а я вечером подскочу. Серегу там найдешь. Он девчонкам какую-то приспособу для перемотки ниток ставит с утра.

– Ну, мы в швейную. Вечером приезжайте, – Мишка обнял за плечи Катюшу.

– Дак а куда нам еще? Отсюда выдворили. Кадетам места мало. Там и живем пока все. Катюше спасибо. Большой дом завела. Повезло тебе, Мишань, хорошее приданое у невесты-то, – Силиверстович тоже поднялся со скамьи и, взяв под локоть Катюшу, шепнул ей:

– Не обижает, племянничек-то? Если что, ты сразу ко мне беги. Ох, и лют я на расправу.

– Да что вы, Евлампий Силиверстович, – засмушалась Катюша и прижалась к Мишке. – Он хороший, не надо его на расправу.

– Ну, раз просишь, тогда ладно. Поехали, молодожены. Проедусь с вами. Я сапожную-то рядом с Катюшиным домиком открыл. Домишко, правда, неказистый, бревенчатый, но место бойкое. В следующем году построим что-нибудь посолиднее, а эту завалюху снесем к едреней фене. А пока мужички сидят и стараются. – во дворе они увидели только одинокую фигуру Ноздри, он стоял у ворот и рассматривал кованые прутья. Увидев Мишку, подошел и, сняв картуз, спросил:

– Мне сказано, чтоб при вас пока быть. Верно?

– Верно, Иван Иванович. Садись в карету, поедem в швейную мастерскую, а там уж на месте решим, что с тобой делать. Знакомься – это Силиверстович. Он у нас кузнечными делами занимается. К нему пойдешь в артель, если условия подходящими покажутся. Знакомься, Силиверстович, –

Мишка, открыл дверцу кареты и, пропустив вперед Катюшу, шепнул на ухо засмущавшемуся бывшему разбойнику:

– Не робей, Вань. Будь проще. Силиверстович мужик свойский.

Девчата, соскучившиеся по Катюше, подняли визг и кинулись ее обнимать. Затормошили и закружили все сразу, рассказывая о своей жизни без нее целый месяц. И воспользовавшись этой веселой кутерьмой, Мишка увел Ноздю вверх, где в рабочем помещении копался в углу Серега, собирая какую-то машинку.

– Здорова, Серега, – гаркнул Мишка, хлопнув друга по согнутой спине.

– А-а! Явился. А я-то думаю, чего там девки верещат. Вот аппарат монтирую для раскройки. Такая фиговина заумная. С утра бьюсь. Все мозги заплелись. Вот не пойму никак, что это за штыри торчат и куда их соединять, – Серега швырнул гаечный ключ на стол. – Это кто с тобой?

– Это Иван Иванович – кузнец, – представил ему нового сотрудника Мишка и Серега даже лицом посветлел, услышав, кого он привел.

– Кузнец? Значит, в технике рубить должен. Слушай, Иванович, глянь, что за хрень тут. Не хочет вертеться, язви ее. И инструкции нет, как собирать. Может, не хватает чего?

– Ты где это чудо достал?– Мишка заглянул под столик.– С ножным приводом.

– Не поверишь, Миха, в антикварке стояла. И отдали почти задаром. Она у них только место занимала уже два года, а выбросить рука у торгашей не поднималась,– Ноздря тем временем, присев на корточки, осматривал машину и хмыкал.

– Ну что?– Серега присел рядом с кузнецом.

– Тут должен еще винт быть. Потому как вот это колесо с энтим сопрягается,– сделал заключение кузнец.– Тут главное чтоб по длине не промахнуться. Надо провернуть на ближнее место и самое большое. Вот эдак оно тут провернется. Крутни-ка вот то колесико,– Серега завертел колесо.

– Да, вот отсель и до этого места чтоб,– Ноздря остановил вращение колеса, разобравшись с причиной поломки.

– Ну, так на рулетку и замерь,– Серега сунул в руку кузнеца рулетку и тот принялся ее рассматривать, как диговинку.

– Тьфу ты. Я совсем и забыл, что тут все в аршинах,– понял Серега его затруднения без слов.– Ну, а где это сделать можно? Винт этот?

– Так в кузне любой. Кузнецу снести чертежец.

– Тебе и карты в руки,– обрадовался Серега.– Займись, Иванович. А мы пока с Михаилом пообщаемся. Денег, наверное, сколько-то надо? Скажи. Вот карандаш, бумага. Рисуй,– Серега выложил перед кузнецом на стол швейный все перечисленное и облегченно вздохнул: – Гора с плеч. Где нашел мастера?

– В деревне. Слушай, Серега, как думаешь, из аптечки лекарства, те что ты мне давал в Америке, могут как-то помочь Иванычу. Вишь, как парню нос подпортил барин евоный?

– Не знаю. Ну-ка, Иванович, дай глянуть. Ни хрена себе. А я и не заметил. Попробуем. Хуже-то не будет, я думаю. Иванович, мы тебе сейчас пилюлину дадим, от которой кожа станет чесаться и шрам рассасываться, ну и мазь целебную, так что ты уж потерпи часок-другой,– Серега выскочил в соседнее помещение и вернулся с аптечкой.– Мне тут она самому недавно потребовалась, так что далеко ходить не надо.

– Слыхали. Тихоновна сокрушается. Ты чего по ночам шляешься, да еще без "Завесы"? Сколько народу-то напало?

– Человек десять навалилось. Не нравится мне тут кое-что, Миш. Не случайно ведь это было. Живьем они хотели меня взять и куда-то увезти. Промеж собой говорили:– "Хватай, вяжи".– Грабители так себя не ведут. По наводке чьей-то выследили. Вскользь дубиной опять же приложили. Убить не хотели, оглушить только. Кабы не это так...– Серега махнул рукой. – Пора нам расследование провести. Тебя ждал. Потом поговорим про это подробнее, сейчас набегут девчонки, да и Нина Андреевна не даст спокойно поговорить. Глотай, Иванович, пилюлину. Нет, не горькая, запивать не нужно. Ну а теперь давай свой нос сюда, намажу мазью,– Серега принялся салфеткой протирать нос кузнецу и прилепил ее пластырем.– Вот так и походи часика два. Ну, в общем, пока не скажу, что пора снимать. А любопытных посылай подальше,– кузнец потрогал белую нашлапку на носу и прогундосил:

– Уже чесаться начинает, терпеть, али почесать можно?

– Ну-у-у, вокруг чеши, сколько влезет, только повязку не трогай,– разрешил Серега, и кузнец принялся скрестить пальцем рядом с пластырем, блаженно жмурясь.

– Э, брат, ты я смотрю, прибалдел, а работа стоит,– напомнил Серега.

– Это мы мигом,– опомнился Иван Иванович и принялся вычерчивать карандашом кривулину на листе бумаги.

– Не будем мешать. А где тут кузница поблизости – это у Катюши спроси. Или у девушек,– Серега подмигнул Мишке: – Пошли, человек в процессе.

Поговорить, однако, друзьям спокойно не дали. На второй этаж ворвался хоровод белошвеек и, затянув их в свой водоворот, понес в трапезную, где в него с причитаниями влилась Нина Андреевна и вырваться из этой круговерти праздничной сил, да и желания не было.

– Выходной, девочки!– объявила Нина Андреевна, и кто-то закричал дурачась: – Ура-а-а!!!

– Как детишки, которым сказали, что училка заболела и уроков не будет,– шепнул Серега на ухо Мишке и тут же получил подзатыльник от Катюши.

– Что за наушничанье? При честном народе. Огласи – пусть все порадуются.

– Красавицы говорю, девушки-то у нас, прямо глаза разбегаются,– заухмылялся Серега.– Больше ничего не сказал.

– Красавицы значит? А уроки какие помянул?– продолжала уличать его Катюша.

– Ну и слух у тебя, Катерина! Сказал, что радуются ровно ребятишки, когда урок отменяют.

– А чего это они у вас радуются отмене уроков?– не поняла Катюша.

– Не у нас! У нас как раз не радуются, да и не отменяли пока уроков ни разу. Я вообще о том, что ученики обычно радуются и орут "Ура", ну вон и Полина закричала,– Сереге надоело оправдываться, и он перешел в наступление:

– А ты, Екатерина, смотрю, от Мишки манер набралась. Этот охламон влетел и по спине огрел так, что чуть душа не выпрыгнула. А ты и вовсе по голове норовишь? Я тут глаз не смыкаю денно и ночью производство тебе налаживаю, девчонок твоих грамоте обучаю и даже, виданное ли дело, сколь раз мусор уже вынес. Вот и делай добро, ближнему!– завозмущался он.– Злые вы, уйду я от вас в монастырь. Давно собираюсь!

– Сержик, прости окаянную,– чмокнула его в щеку Катюша.– Спасибо тебе, роднуля. Не надо в монастырь-то. Скучно там и голодно. Оставайся, пожалуйста. А мы тебя женим. Вон сколько невест, да работающие все... А пироги, какие пекут! Девчонки, почему Сергей Алексеевич по сию пору никому предложение не сделал?– строго окинула она взглядом притихших белошвеек.

– Так Они здесь редко бывают. Забегут на минутку и только их и видели. Не успеваем мы глазами-то пристреляться,– вздохнула с сожалением Полина. Девушка дородная. Именно про таких, как она поэт потом ляпнет:– "Коня на скаку остановит..."– Нам бы его хоть на денек, уж бы мы его...– поддакнула Марфуша – специалистка по пирогам и все заулыбались.

– Девоньки, столы накрываем. Праздничный обед у нас сегодня,– Нина Андреевна похлопала в ладоши. И белошвейки принялись в сорок рук накрывать столы.

– Тесновато будет,– озабоченно оглядела помещение Нина Андреевна.– Мы же в две смены обедаем и трапезная маловата. Ну, ничего, в тесноте, да не в обиде. Девочки столы рабочие несите и стулья из мастерской пошивочной. И там мужчину прихватите, я видела, топчется у закроечной. А эти гаврики бросили парня, а сами умотали сюда. Эх, Мишань. Разве ж так можно?

– Мамуль, это кузнец Иван, он делом занят и как только освободится, так мы его и пригласим. Человек деталь рисует.

– Выкрутился,– сделала вывод Нина Андреевна.– Ты, Мишань, барские замашки тут не приобрети, смотри.

– Вот, вот. Проще будь и люди к тебе потянутся,– поддакнул ей Серега.

– Ох, подхалим. Сам-то каков? Давеча слышала я, как ты с околоточным надзирателем-то разговаривал. Ну-ка вспомни?– Серега покраснел, очевидно, в разговоре с "участковым" местным в выражениях не стеснялся.

– Так он и сам "поливал" будь здоров,– пробурчал он оправдываясь.

– Не уподобляйся. Со стороны-то одинаково мерзко обоим слушать было. Ну, он-то глуп. А ты что? От ума большого с ним на одну доску запрыгнул?

– А как же хамов учить-то?– не понял логики Нины Андреевны Серега.– Он, значит, меня по матушке чихвостит, а я ему должен в ответ реверансы отвешивать? Так что ли?

– А ты должен его поставить на место словами, но не оскорбляя и голос не повышая. И этим поставил бы его на место скорее гораздо, да еще и уважать себя заставил уж всяко. А теперь он думает, что вы с ним два сапога пара, только размера разного,– добила Серегу Нина Андреевна.– Ничего, молодой еще, а я рядом и присмотрю,– пообещала она Сереге, который совсем сник, поняв, что мамуля Мишкина права.

– Попал!– пробормотал он сконфуженно.– Все воспитывают. Эх, как в монастыре-то хорошо, молись себе с утра до ночи!

– Ты, Сергей Алексеевич, что-то опять напутал. В монастыре-то тоже начальство есть над братией. И первая молитва у них – труд. Ты что ж, думал, там с утра до ночи только поклонны бьют? Там работают от зари до зари. Для молитв сугубых – ночь,– засмеялась Катюша.– Вон хоть в Донской загляни. Труженики первые монахи-то. Потому как Богу работают, Христа ради.

– Да-а-а?– Серега растерянно сел на лавку и чуть не смахнул рукой стопку тарелок.– Вот ведь сюрприз какой. А я думал, что они на лошадях по городам и весям скачут, да саблями машут изредка по необходимости, как Пересвет с Ослябой.

– Пересвет-то не был монахом, когда за меч-то взялся. Отпустил его Сергей – батюшка с благословлением на ратный труд. Монах за меч ежели взялся, значит, Бога после булата поставил,– вздохнула Катюша.

– Катерина, ты откуда про Пересвета-то знаешь?– Серега посмотрел на Мишку с подозрением.– Никак, Михаил рассказал.

– Ну да, он. Мне в приходской только счет, да Слово Божье дали. По нему и грамоте учили. Батюшка-учитель сам был не горазд в истории. А мы и не спрашивали. Династию нынешнюю заучили до матушки-Императрицы и довольно. А Мишаня книг много прочел, его слушать интересно. И про Америку и про поле Куликово. Так складно рассказывает, будто сам там побывал. А про Тохтамышку, как поведал занятно,– Катюша ласково взглянула на Мишку. С гордостью.– "Вот какой у меня муж".

– Да уж!– Серега блеснул лукаво глазами.– А про чудеса Коломенские он тебе не рассказывал?

– Про чудеса? Нет! А что там за чудеса?– Катюша дернула Мишку за руку:

– Мишань, что за чудеса в Коломне-то явились?

– Катюш, я тебе потом расскажу – это долго, а сейчас вон уже девушки и столы накрыли и Иванныча притащили. Нас ждут. Ты мне напomini, если забуду.

– Хорошо. Я страсть как сказки-то слушать люблю,– не стала Катюша настаивать.

– Михаил, у нас сказочник тот еще,– Серега поднялся навстречу Ивану-кузнецу:

– Иванныч, ты уж извини, что к столу не пригласили. Сами не знали, что тут застолье собирать срочно начнут. Садись. Пообедаешь и потом вместе смотаемся к кузнецам. Девчонки, знакомьтесь – это Иван Иванович – кузнец, а пластырь на носу, потому что производственная травма, кувалдой зацепил нечаянно,– представил он белошвейкам Ноздрю.

– Бедненький,– пожалела кузнеца Полина и тот, покраснев до корней волос, взглянул на девушку благодарно.

– Вот Полине, как самой милосердной и сердобольной поручаем шефство над Иваннычем,– тут же сбавил Сергей кузнеца белошвейке, которая от его слов запунцовела не меньше Ивана.– И вы тут соревнование прекратите в скромности устраивать,– Серега похлопал кузнеца по мощному плечу.

После праздничного обеда, белошвейки затеяли хоровое пение и Мишка с Серегой заслушались, забыв про то, что нужно ехать в кузню. Да и кузнец тоже не спешил им напоминать, украдкой поглядывая на Полину. Видать приглянулась белошвейка бывшему разбойнику.

– Жаль без музыки. Гармонь бы сюда. Девчонки-то прямо ангельскими голосами заливаются. Вот что значит стимул, Миш. Пошли, курнем. Я ведь тут один дымлю, девчата гонят вон. Как зимой быть, ума не приложу. Хоть бросай,– парни тихонько встали и на цыпочках вышли из трапезной.

– Мишань, ты куда?– шепнула Катюша и кинулась было следом.

– Мы с Серегой на перекур. Ну и поговорим кое о чем.

– Смотри сам не пристрастись,– обеспокоилась Катюша.

– Ну что ты, раз в детстве не закурил, то теперь-то уж вряд ли пристрастюсь,– успокоил ее Мишка.

– У вас что, с детства к этому приучаются?– удивилась Катюша.

– Да по-разному бывает,– улыбнулся Мишка и выскользнул следом за Серегой.

– Вот и кончилась вольная жизнь,– констатировал Серега, выйдя во двор и присев на лавочку, явно для этой цели тут установленную, для перекуров.– Теперь будешь волей не волей отчитываться, где был, да с кем и что делал.

– И что? Не отчитываться, а делиться,– возразил Мишка.– Приходишь домой, а тебя ждут и переживают, что там и как. Ну и сочувствуют.

– Может твоя-то и посочувствует, а вот я что-то таких не встречал жен в нашем времени. Все, как с цепи сорвавшись. Что у нас с женщинами, Миш? В нашем родном двадцатом? Или потаскухи до мозга костей или грымзы. Золотая середина куда подевалась? В этом веке и в следующем что ли повывелась?

– Зря ты так. Есть же много хороших девчонок и у нас. Ты вот лучше расскажи, что за наезд на тебя был и что там за ругань у тебя с "участковым"– околоточным?

Сереге закурил и, выпустив дым, пожал плечами:

– Да я и сам ничего не понял. Хорошо, что вскользь дубина прошла, и успел "Завесу" нашлепнуть, а потом уж оторвался по-полной.

– Ну да, Тихоновна про три десятка зубов упомянула. Кто подсчитал?

– Это чмо мордатое и подсчитало,– сплюнул Серега.

– Околоточный?– Серега мрачно кивнул.

– И что?

– А то, что прибежал он через пять минут после того, как злодеи разбежались. Расползлись,.. то есть. И сразу принялся зубы собирать выбитые. Факел разжег, гнида и пополз собирать. Сперва, конечно, забежал и про самочувствие спросил, козел.

– Я смотрю, ты этого "ментяру" без оскорблений и вспомнить даже не можешь?

– Дак он же гаденыш на другой день приперся и начал намекать, что, дескать, про драку докладывать по начальству не станет, ежели ему ручонку его загребушую, как следует позолотить. Такое зло меня взяло. Сколько я уже взяток насовал только за последний месяц. Миллион не меньше и этому еще дай. Да за что? За то, что меня же чуть не убили? Сволочь!!! Ну и сказал ему пару ласковых. Извини, громко видать орал. Нина Андреевна услышала. Жаль. Теперь будет доставать и воспитывать. Ну и подумала Бог весть, что про меня,– вздохнул Серега сокрушенно.

– Да не парься. Все она правильно поняла. Ты еще не слыхал, как она батюшку одергивает.

– Да-а? Ну, тогда потерплю,– засмеялся Серега.– Так вот я и говорю – эта сволочь приперлась с утра и начала намекать, что я с дружками кого-то избил. И зубы эти мне в нос сует. Вот я и послал его, сам знаешь куда.

– И все?

– А что еще-то?

– Ну, ты говорил, что орали напавшие чего-то там?

– А, ну да. Орали.– "Хватай, вяжи" и имя то ли Долдон, толи Антон кто-то вякнул. А так, молча все норовили.

– А где все случилось-то?

– Ты не поверишь, прямо вот там у крыльца. Ждали видать суки!

– Морды хоть успел рассмотреть?

– Какие морды? Я же только вышел, и глаза к темноте еще привыкнуть не успели... Тут сразу шарах по черепу. У меня искры из глаз, ну и слышу "Хватай, вяжи". Хорошо что "Завеса" всегда при себе. Хлопнул и в крыльцо вцепился. Пока дергали, через минуту в себя пришел, ну и...

– Понятно. Долдон, Антон... А околоточный, говоришь, сразу прибежал?

– Ну да. Девчонки мне черепушку бинтуют, а тут он появился. На шум, дескать. Увидал, что живой я и полез было с расспросами, да Нина Андреевна его вежливо отшила. Сказала.– "Ты, служивый, гуляй пока, завтра придешь с расспросами. Видишь, покалечили парня, не может он говорить". И так на него глянула, что "мент" сразу слинял и спорить не стал. Все таки они в 18-том не такие борзые, как в нашем 20-ом. Знает эта гнида что-то. Взять бы его за глотку. Руки пачкать не хочется. Да и некогда было. Решил тебя дождаться.

– Когда было-то это все?

– На прошлой неделе. В четверг.

– А бежал, куда так поспешно? К Лили?

– Нет, там все глухо. Замуж она собралась. Нашла себе немца лысого, но при деньгах. Карлом звать,– усмехнулся Серега.– Шмидт фамилия.

– Иоганович?

– А ты откуда знаешь?

– Так это он велел Ивановичу ноздри вырвать. Усадьбу его кто-то подпалил из деревенских, ну он дознание проводить не стал, а велел каждому мужичку 20-му ноздри вырвать. Построил и каждого двадцатого самолично отсчитал.

– И что? Не взбунтовалась деревня?– удивился Серега.– Вот скотина лысая.

– Не знаю насчет бунта. Не спросил я Иваныча. А он сам в лес подался разбойничать. Там с ним и познакомился. Ограбить нас с Катюшей хотела шайка его.

– Ну-у! И ты, конечно, им накостылял, а потом пожалел по обыкновению своему?

– В том-то и дело, что не я, а Катюша усмирила. Как принялась их страшать, да совестить они и на колени попадали, а тут еще и гром загремел. Она как крикнет.– "Кайтесь",– и гром грохочет. Я сам чуть не упал!

– Да ты что?! Ну-у, Катерина!!! А дальше-то что?

– А дальше... Дальше совсем, Серега, чудеса начались, от которых до сих пор у меня в голове звон стоит. Перевернулось кое-что в голове и до сих пор не устаканилось,– признался Мишка.

– Ты прекрати загадками-то... Что за чудеса?

– Да, понимаешь, Катюша крикнула, что где двое во имя Христово собрались, то там и Он посреди сам есть, ну и загремело вовремя. Разбойнички на колени, я саблю чуть не выронил. А потом, когда эти-то орлы ушли, возьми да пошути про своевременность громов. Мы с ней, минут за десять до того, под дождь попали и сушились у костра, когда эти-то архаровцы нагрянули. Ну и Катюша тогда мне выволочку устроила, дескать, в Бога не верую и на саблю свою больше чем на Него рассчитываю.

– А ты что?

– А я отшутиться попытался, мол, еще пару таких вот чудес и уверую совсем. Тут она и вовсе разобиделась, хватъ саблю-то и молитву зачитав, сломала ее пополам, как хворостинку.

– Чего-о?! Ну-ка покажи!– Серега даже со скамьи приподнялся и вцепился в рукоять сабельную Мишкину.

– Нечего показывать. Ты слушай, что дальше было. Прибалдел я, а она мне под ноги обломки швырнула. Ну, я, конечно, кинулся прощения просить, да и мороз по коже опять же, а она взяла саблю, подняла и обратно срастила – опять с молитвой. Даже следа не осталось, – Мишка вынул саблю из ножен. – Смысла нет показывать.

– Слушай, Миш, я басни сам горазд сочинять, но если это приколы, то не самый удачный. Какая молитва? Чтобы эту саблю сломать, ее под электричку сунуть нужно и то спружинит, – Серега буквально впился взглядом в лезвие.

– Так и знал, что не поверишь. А Катюша ломать для тебя не хочет. Говорит, что Господа попросила и это его Воля была в обоих случаях. А она только молитву зачитала, – унылым голосом произнес Мишка.

– Значит, говоришь, там где двое во имя Его соберутся там и Он?

– Ну да, так. Ты что делать собрался?

– Проверим сейчас. Мы ведь оба крещенные и на поле Куликовом причащались. Вот и соберемся во имя Христово. Какую Катерина молитву зачитывала? – деловито осведомился Серега, усмехнувшись.

– Господню, только, Серега, нельзя так-то... Искушение это. Господь не мальчонка на побегушках, чтобы в экспериментах глупых участвовать по твоему капризу. Если веришь, то это и не нужно.

– Это, Миш, не искушение – это может быть ответ на все мои вопросы сразу. Ну-ка встань и зачитывай "Отче наш" и "Духу святому", – Мишка пожал плечами, но с лавки все же поднялся и "Отче наш" зачитал, а затем и "Духу святому", –

Серега перекрестился в сторону ближайшего храма и протянул Мишке свою саблю:

– Ломай, – Мишка взял осторожно лезвие в руку, чтобы не порезаться и, зачитав молитву "Господню" попытался сломать сталь, но она не поддавалась.

– Ну, вот видишь, – Серега улыбнулся. – Может тебе показалось? Ну, мало ли, гипнозом Катерина владеет или морок навела нечаянно?

– В гипноз, значит, веришь, а в Бога нет?

– Почему же, Верю, только Он не станет такой мелочью заниматься. Он делами глобальными ворочает, а мелочь нам людям оставил.

– Ты, значит, решаешь, чем Господь станет, а чем не станет? Столбы ему пограничные поставил?

– Не решаю, а предполагаю и не безосновательно, между прочим.

– Хорошо тогда ты прочитай молитву, а я послушаю, как ты ее прочитаешь. Может я забыл чего-нибудь!

– Да, пожалуйста, – Серега перекрестился и зачитал молитву. – Ну, давай!

– Забыл сказать. – "Если будет на то Воля Твоя, Господи", – Мишка давил на сталь и она с легким звоном распалась на две аккуратные половины. – На, получи, –

Мишка уронил половинку без рукояти на землю и Серега изумленно уставился на нее, а потом опустился рядом с ней на колени.

Глава 5

– И что теперь?– Серега поднял голову и взглянул вопросительно на Мишку.

– Что?

– Зачем мы здесь? Зачем все это затеяли?

– Вот у Господа и спроси.

– Да как же я спрошу, коли Он не разговаривает?

– Он ответ умный в голову дает и сразу понятно, что это не твое, а дано со стороны.

Самому долгоножку нужно мозгами скрипеть, чтобы и половину понять, а тут раз и готовый ответ. Я это же спросил, так что не будем отвлекать Господа от глобальных дел. Хотя не делит Он свои дела на главные и второстепенные. У Него все главные.

– И что понял?

– А понял, что нет ничего такого выдуманного людьми самого фантастического, что для Него было бы невозможно. И то, что мы во времени путешествуем это мы для него равно дети с игрушкой забавляющиеся. И пока ведем себя прилично, Он эту игрушку отнимать не будет. Ты думаешь мы своим вмешательством мир сможем переделать? Машинку швейную вот выпускать начнем, потом керогаз какой-нибудь, потом паровоз и Россия изменится? Ни фига мы не изменим. Россия и так много чего первая начала, только все это суета сует. Гордыня нас ведет и национальное уничижение, которое испытываем. Ну, выпустим машинку, станут строчить на ней одежки, времени у людей свободного больше станет и начнут заниматься чем? Херней! Скорее всего,– подвел итог Мишка, неожиданный для Сереги.

– Почему херней обязательно. Образовываться начнут, учиться,– возразил он, нахмурившись.

– Хорошо, выучились все и грамотными стали, а дальше что? Просто раньше на несколько лет, пусть даже на сто, но будет то же самое, что мы имеем в веке 20-ом.

– Но ведь войн можно мировых избежать и народу станет в России почти как в Китае. На первое место в мире выйдем по уровню жизни.

– И что? Выйдем, а потом ляжем под елками и будем радостно поплевывать? Зачем вообще люди живут на Земле?

– Вон ты куда.

– А куда еще? Тут ведь как. Либо в Бога веруешь и принимаешь на Веру, то, что Он говорит о том, что временное пристанище Земля, а жизнь настоящая будет после смерти земной. Либо не веришь и надеешься на саблю, т. е.– на мозги человеческие, на науку, технический прогресс.

– А что плохого в Науке и техническом прогрессе, Миш?– взглянул на друга непонимающе Серега.

– Тут не так вопрос ставить нужно. Не что плохого или хорошего, а зачем?

– Ну и зачем?

– А затем, чтобы заняты были, чтобы учились, чтобы росли, чтобы думать умели. И все нормально пока из Науки культ не делают. Слыхал такое выражение "С наукой не поспоришь"? Да как же не поспоришь, когда ничего никогда до конца точно ни в одной области науки не известно и не исследовано. С ней только и спорить в самый раз. Нет, культ из нее сделали. С Богом спорить не боимся, а с "Наукой не поспоришь". Технический прогресс сам по себе не делает людей добрее или злее. Комфорт – это да и больше ничего. И прогресс-то движется чем? Растущими потребностями. Мы вот влезли со своими машинками раньше времени и на хрена они здесь нужны? Население в империи

миллионов тридцать, рынок никакой. Куда продукцию девать? В Европу и Азию. Вот и облегчим им задачи. Зингеру ничего уже выдумывать не нужно, готовенькое возьмут.

- Так запатентуем и бабло с них срубим.
- Потом засолим это бабло в бочки и закопаем, чтобы не прокисло?
- Нет, мы на них построим хорошие дома, стадионы, театры ну и так далее. Культура чтоб росла у населения. Армию самую продвинутую технически сделаем и флот, чтобы никто выкнуть на нас не мог.
- А потом ляжем под березами и поплевывать станем?
- Ну что ты с этими березами? Жить станет народ интереснее. Храмы те же строить будем.
- Эх, Серега, мало что ли храмов построено было Романовыми? Только при Александре -3-ем их 20-ть тысяч построили и при Николае -2-ом еще 7-м тысяч. А до них сколько? В каждом селе храм стоял, большевики задолбались их потом разрушать и в мыловаренные цеха переделывать.
- Так что тогда делать и зачем мы здесь?
- Для себя мы здесь. Показалось нам, что можем изменить историю, возомнили невесть что, вот Господь и позволяет. Пользуемся для этого технологиями допотопников? Да, пожалуйста. Чем бы дитя не тешилось...
- Бесполезно, значит, все?
- Нет, мы становимся другими, значит, не бесполезно. Проблема не в прошлом, проблема всегда в настоящем. И будущее такое, каким мы его делаем. Каждый понемногу.
- Погоди, ну вот не дадим мы Москве сгореть, допустим, в 1812-ом. Измениться что-то ведь и у нас там из-за этого?
- Ничего не изменится радикально. Ну не сгорят, ну естественным образом рухнут, износятся. Снесут все эти деревяшки все равно за две-то сотни лет и построят каменные. На десяток другой картин в музеях больше висеть будет и все. Ну и Наполеон быстрее смоемся из России, месяца на два, о чем в учебниках истории пару строк чиркнут. Люди-то не изменятся. Мне вообще непонятна тактика военных действий Кутузова при Бородине. Бились лихо, а потом развернулись и Москву без единого выстрела сдали. Нафига вообще тогда эта Бородинская костедробильня? А Наполеон как себя ведет странно. Взял Москву, посидел в ней пару месяцев до трескучих морозов, да и подался по гололеду обратно, чтобы наверняка всю армию свою уморить. Это великий полководец? Зачем вообще поперся в Россию? Мотивов не вижу. Ну а если взял землю, то какого хрена ушел с нее сразу? Сначала Кутузов ведет себя как идиот, потом Наполеон как кретин и обоих потом потомки прославляют и памятники ставят. Не война блин, а футбольный матч на выезде. Французы в первом тайме забили русским гол и те, обидевшись, на второй тайм не вышли. Тогда французы, тоже разобидевшись, что матч не состоялся, домой подались по дороге Смоленской. А там злые русские болельщики их /партизаны /, забросали тухлыми яйцами.
- Ты, Миха, все как-то перекрутил. Наполеон ждал, что к нему приползут парламентареры с предложениями мира на выгодных для него условиях. Он бы и содрал три шкуры тогда. Ну а Кутузов Москву оставил, потому что при Бородине потрепали армию, и не могла она город защитить. Пополнение требовалось. До весны резервы бы подтянулись, ну и дали бы французишкам прикурить. А Наполеон понял, что по весне ему кранты. Разведка, небось, тоже не зря хлеб грызла, вот и сорвался в бег. Тем более, что пожар начался и чего сидеть, дым глотать? Но мы-то ему не дадим в Москву войти. Накостыляем раньше. Маленькую поправочку сделаем в истории.
- Поправочки эти никому кроме нас самих не нужны и кто знает а вдруг мы здесь для того только чтобы было так как есть там? А если нас тут не будет, то там будет еще хуже?
- Куда хуже-то? Революция, Гражданская и Вторая Мировая? Народу в половину меньше, чем быть должно.
- Хуже, Серега, всегда есть куда.

– Собрание общее нужно собирать. Вопросов накопилось и боюсь я, как бы не повторилось нападение, но уже не на меня, а на кого-нибудь из женщин, например,– Серега вертел в руке сабельный обломок, по-прежнему стоя на коленях.

– Так сегодня же все и соберутся. Поговорим обо всем. Бери свои железки и пошли в дом.

– Э-э, нет. Ты сказал, что Катерина обратно срастила лезвие. Вот и давай сращивай,– Серега протянул Мишке обломок.

– Нет, Серега, не буду. Пусть так остается, не надо искушений больше и память наглядная тебе. Держи,– Мишка сунул в руку Сереге рукоять.– Хороший нож получился, картошку чистить. Спасибо, Господи!

Ужинали в тесном "семейном" кругу. Петр Павлович принялся спорить с Федором Леонидовичем о методике преподавания, часах и перерывах между ними, остальные молча слушали и не вмешивались.

– Зима на носу, Федор Леонидович. Светлое время суток сокращается из-за этого и нужно все, где писать нужно, перенести на середину дня, а остальное сместить.

– Хорошо, убедили, хотя на свечах экономить я бы не советовал.

– Да не в экономии дело, а в глазах. Устают они от мерцаний этих и зрение ухудшается. Хотите через пару лет получить пару взводов очкариков, тогда флаг вам в руки.

– Очкариков нам не надо, поэтому переписывайте, как вам будет угодно,– согласился окончательно Академик.– Тут вот Сергей что-то о вопросах накопившихся упомянул. Давай, пока ни кто не убежал.

– Один вопрос, но главный. Прикинули мы с Михаилом и получается, как ни крути, что кто-то очень нами заинтересовался. Напали на меня не случайно, а по приказу. Кто-то любопытствует сверх меры. Как бы не повторилась попытка. За женщин я наших беспокоюсь. "Завес", конечно, на всех хватит, но ведь есть еще и белошвейки, а с ними сложнее. Как быть? И потом "нос этот любопытный" может просто напросто влезть к нам, наняв кого-то из них. Катерина, ты с девчонками не разговаривала по поводу подобных предложений от кого либо?

– Поговорила. Никто не признался. Полина припомнила, что подходил к ней седмицу назад в кондитерской барин странный. Расспрашивать принялся было. Кто да что. Ну, она у нас за словом в карман не полезет. Отшила, сего дядечку. И что такое могут девицы поведать? Что они знать могут о нас непотребного или Богопротивного. На виду ведь все. Не прячемся. Зря, Сергей Алексеевич, беспокоитесь.

– Нет, Катерина, не зря. Коммерция – это всегда конкуренция, всегда вражда и пакости. Не хотелось бы, чтобы девчонки пострадали невинно. Эти то "любопытные", невесть что о нас предполагают, вот и начнут жилы тянуть. Мы, конечно, попробуем выяснить, чей это "длинный нос", а пока скажи белошвейкам чтобы поодиночке по городу не ходили. Опасно это.

– Да они сроду по одной-то не выходят. Всегда стайкой вылетают.

– Стайкой. А Полина как же? Сама ведь сказала, что на прошлой неделе к ней "дядечка" с разговорами пристал. Значит, одна была.

– Это же Полина,– улыбнулась озорно Катюша.– Ей можно. Она сама кого хошь схватит и повяжет.

– Все равно и ей запрети ходить одной. Кистенем оглушат и все.

– Ох, страсти-то какие!– ужаснулась Тихоновна.– Неужто, так все серьезно?

– Так, тетушка. Так что вы только с Силиверстовичем вместе и никак иначе. Мы с Серегой завтра околоточного в разработку возьмем. Знает он, кто это нас дергает. Сунем взятку, как водится, и все выведем. Не впервой. А потом поговорим по душам со злодеями. Утрясем, но пока вы остерегайтесь. И вообще поаккуратнее,– посоветовал Мишка.

– Да что мы, по твоему, ходим по городу, шумим и галдим? И так тише воды, ниже травы, сынуль,– Нина Андреевна руками всплеснула.– Даже вон Кирилла за окна не выпускаем, сидит обиженный. Девчата его закармливали вкусностями, а он привык по улице вольно летать и еде

не рад. А все чтобы внимание к себе не привлекать,— Кирюха, сидящий на плече у Федора Леонидовича, тяжело вздохнул и распустил ирокез на гребне.

— Вон вздыхает.

— Киря хороший,— сообщил попугай всем, что он думает по поводу заключения его под домашний арест.

— Как там Василий-то?— вспомнила о коте Тихоновна.

— А что ему сделается? Побегает по огородам за мышами полевыми. Нечего сваливать было. Ну, проживет час другой самостоятельно. У него сала в запасе месяца на два,— пожал плечами Серега.

— Какие два часа? Мы уже здесь больше месяца. Пора бы и домой заглянуть хоть на денек,— вздохнула скорбно Тихоновна.

— Что-то ты, мать, раскисла? Хоть завтра отправимся и хоть на сколько. Только скажи,— проворчал Силиверстович, желая успокоить супругу.

— А как же я Марфушу-то брошу одну?— всполошилась тут же Тихоновна, взглянув на него укоризненно.

— Найдем пару поварих завтра же и закроем этот вопрос,— шлепнул ладонью по столу Силиверстович.— А вы, добры молодцы, давайте ройте землю, но чтобы супостатов этих в ближайшее время обнаружили и обезвредили. Вон Ивана-кузнеца привлеките, пока он в вашем распоряжении. Ну и за сторожа пусть пока здесь побудет.

Околоточный надзиратель сидел у себя в околотке и заколачивал гвозди в новую подкову на каблуке ботфорт, когда к нему ввалились Мишка с Серегой, застав его за этим, пожалуй, вполне понятным для служивого занятием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.